

Сергей
Конов

КОВРИГИНЫ

Автобиографическая повесть

1

Мне шел семнадцатый год, когда я, окончив школу, отправился поступать в военное училище в далекий Челябинск. Но военного из меня не получилось. Поступив, я вдруг осознал, что это не мой путь. Не дожидаясь принятия присяги, я оставил военное училище, забрал документы и вернулся в Усть-Каменогорск. Иногда я даже забываю о том, что такой период был в моей жизни. Но это был первый жизненный опыт, и я извлек из него для себя полезные уроки. Вернувшись на родину, тем же летом я поступил в энергетический техникум Усть-Каменогорска. Это был еще один поспешный и необдуманный шаг. Не стану распространяться о его причинах, но где-то в глубине души я надеялся, что во мне проснется отцовская жилка, и я, возможно, полюблю электричество. Но этого, как и следовало ожидать, не произошло. Вымотанный предыдущими экзаменами в ЧВТКУ, я согласен был на любые условия. Меня несло, как щепку в потоке, и я рад был, что наконец-то меня прибило к берегу.

В августе стояла жара. Мама за скромную плату пристроила меня на квартиру к знакомой бабушке, у которой когда-то жила сама еще в пору учебы в медучилище, чуть ли не тридцать лет назад. Хозяйка была полноватая, среднего роста седая женщина. Когда она глядела сквозь толстые линзы очков, казалось, что ее выпцветшие серые, когда-то красивые глаза вправлены глубоко внутрь. Кроме бабы Ани, так звали мою пожилую хозяйку, в этой однокомнатной квартирке проживал ее старший сын. Он еще был на работе, и она дала добро на мое проживание без его ведома. К ее крохотной пенсии даже небольшая сумма в пятнадцать рублей была ощутимым довеском. По виду этой пожилой женщины было заметно, как она рада такой неожиданно подвернувшейся удаче. Была еще одна веская причина для радости бабы Ани. Но о ней – позже. А тогда я и предположить не мог, что меня ждет впереди.

Старушка хорошо знала и любила мою мать и выделяла ее среди всех студентов, что когда-то проживали у нее на квартире. Мама, в свою очередь, обещала, что я бабушку не разочарую. Больше всего мне нравилось в нашем договоре удачное местоположение квартиры. Она находилась в трех минутах ходьбы от

техникума, в котором мне предстояло провести ближайший год своей жизни. С дядей Женей Ковригиным, сыном хозяйки квартиры, в тот приезд мне не довелось познакомиться. Решив все вопросы, мы уехали с мамой в родное село, где весь остаток лета я пропадал на рыбалке на Бухтарме.

В Усть-Каменогорск я приехал к началу сентября. Я тащил тяжелую сумку, выглядывая знакомый подъезд, пока не натолкнулся на бабушек, среди которых сидела моя хозяйка. Она тут же оповестила всех, что это и есть тот самый паренек который будет у нее жить. Я поздоровался со всеми и стал подниматься на второй этаж за бабой Аней. Позвонив в дверь, она ждала, что ей откроют.

– Где же Женька? – не то у меня, не то у себя спросила старушка. – Как он мимо нас прошмыгнул... Слепа стала совсем.

Из глубины кармана она выудила носовой платочек, из которого развернула ключ на разлохмаченной веревочке, оторванной, видно, от старой простыни, и подала мне, попросив открыть дверь:

– Ты попроворней меня... А то я буду тут до вечера с ним ширкаться.

Квартира находилась на солнечной стороне, и в это время была вся наполнена светом. Она состояла из крохотной прихожей с вешалкой у входа, узенького короткого коридора, ведущего в небольшую кухоньку, и небольшой комнаты с выходом на балкон. Я распаковал сумку, передал гостинцы от матери – сметану и творог – и примостился за накрытый для меня стол, если его можно так назвать. Больше он напоминал кухонный шкаф, оборудованный под стол. В нем были дверцы и выдвигались два верхних ящичка. Сидеть за ним было неудобно, так как колени упирались в стенку, и нужно было отодвигаться подальше. Но в тот момент меня это совершенно не стесняло, и я быстро к этому привык. В кухне еще стояли шкаф и буфет, которые сужали свободное пространство до двух-трех шагов.

Та же теснота была и в единственной жилой комнатке. Прямо от дверей в этой комнатухе вдоль стены стоял диван, на котором ночами спал дядя Женя. Днем он практически не ложился на него, потому что все свободное время проводил во дворе. Диван был опрятно застелен тонким покрывалом, и поэтому можно было сказать, что его хозяин довольно-таки аккуратный человек. Перпендикулярно дивану и почти вплотную к нему вдоль другой стены стояла кровать его матери. «Под рукой», возле этой кровати, стоял табурет, на котором устроилась груда разных лекарств и бокал с водой. К изголовью ее кровати примыкал стол, за столом – тумба с телевизором, уже в самом углу. Рядом с тумбой крохотное пространство вдоль батареи занимали два табурета с цветами, дальше – выход на балкон. Дверь балкона не открывалась до конца, потому что упиралась в мою кровать, стоявшую возле другой стены. Изголовьем моя кровать вплотную подходила к большому шкафу, а его, в свою очередь, подпирали холодильник. Между холодильником и диваном дяди Жени, стоящим у входа в комнату, оставался небольшой проход. Каждый сантиметр площади квартиры был чем-нибудь занят. Свободной оставалась только середина комнаты, семь-восемь шагов в длину и пару шагов в ширину.

Как ни странно, меня совершенно не угнетала теснота комнаты, не выводил из себя тарахтящий неподалеку холодильник, и более того – меня абсолютно все устраивало.

Анна Федоровна, баба Аня, мне сразу понравилась своей простотой в общении, задушевной интонацией голоса, на которую способны люди, много выдавшие в своей жизни несправедливости.

– Глодай косточку, не стесняйся. Давеча мясца внук Олежка принес. Энтот-то, Женька, не шибко разбежится, а сам без мяса не любит есть.

Баба Аня составила мне на ужин компанию, показывая добрый аппетит. Она подложила сметаны себе в борщ, нахваливала:

– Давно о деревенской сметанке мечтала, какой без нее борщ! Маме «спасибо» от меня напиши за сметанку, за творожок... И вообще, скажу про твою маму, замечательная она у тебя!

После ужина мы перешли в комнату, продолжая разговор. Старушка не выказывала излишней навязчивости, не выспрашивала у меня ни о чем, ведь впереди у нас была уйма времени для разговоров. Она считала, что я и сам расскажу то, о чем можно ей рассказать, а об остальном ей незачем было знать. Она была очень чутким человеком, с врожденным чувством такта. Беседуя со мной, она улыбалась, как мне тогда казалось, – радовалась новшеству, привнесенному в ее жизнь моим появлением.

Вскоре в двери кто-то стал скрестись, звякая ключом в замочной скважине, громко кашляя на весь подъезд. Даже бабушка, которая, как оказалось позже, была глуховата, услышала шум за дверью.

– Явился... Кого там шкребесся, дверь-то не заперта! – крикнула она в сторону двери.

Дверь скрипнула, вошел мужчина лет пятидесяти. Он был достаточно высок, аккуратно одет и подстрижен. Чуб волной был зачесан набок, седина заметно перебарывала остатки темных волос. Он был далеко не красавец, но лицо его было запоминающимся. Уши оттопыренно торчали по сторонам вытянутого лица. Нос был немаленький, имел кривизну – горбинку, впадинку, к кончику был немного вздернут. Губы большого рта были широкими и бесформенными, к тому же верхняя была слегка вывернута наружу. Мужчина был в легком подпитии. В старых ухоженных туфлях он прошел в зал прямо по чистому, узкому половику, расстеленному посередине, чем вызвал недовольное бурчание матери.

– Ты бы хоть башмаки снял для приличия! Заперся! Вчера только прибралась.

– Вообще-то на улице сухо, грязи нет, а штиблеты я вытер о тряпку на входе. Дай, мать, хоть с человеком поздороваться.

Проходя мимо старушки, он остановился возле нее и спросил:

– Ты парня накормила?

Убедившись, что все в порядке, мужчина подошел ко мне, протянул большую жесткую руку, представился: «Евгений. Тебе буду дядей Женей». В этом внешне непривлекательном человеке чувствовалось внутреннее нерастратенное тепло, от него исходило обаяние, хотя это совершенно не вязалось с его обликом. Он был «надухарён» дешевым одеколоном, но даже через это душистое облако пробивался устойчивый запах алкоголя.

– Ты тут располагайся. Бабку не бойся, она не такая страшная, как на первый взгляд кажется. Правда, бабка? – он мне подмигнул, разулыбался во весь свой широкий рот и повернулся к матери.

– А зачем он меня-то бояться должен? Ты вот – другое дело! Стращаешь парнишку, ходишь тут.

– Вот, заметил? А говорит, что не слышит. Я шепотом проговорил, а она тут как тут. В общем, ты на ее удочку не поддавайся – что ей надо услышать, она

услышит, а что надо увидеть – увидит. Не девочка давно, шибко самостоятельная, я бы тебе даже так сказал...

После такого короткого, но многообещающего знакомства дядя Женя пошел к выходу, как он объяснил, «для подзаправки», но по дороге опять остановился возле матери, наклонился к ней поближе, повел рукой, указывая на пол:

– Ну, ничего, мать, я не шибко тут у тебя наследил? – он глянул в мою сторону, подмигнул. – Мы с бабкой весело живем, с нами не соскучишься!

Когда захлопнулась дверь и шаги стали удаляться по лестнице, старушка подошла к выходу, открыла дверь, проверив, не стоит ли он у порога. Убедившись, что там никого нет, она закрылась на защелку и негромко произнесла ему вслед: «От же, пройда, навязался на мою голову!»

Когда мы остались одни, Анна Федоровна снова присела на свою кровать, пожаловалась:

– Я как с ним поговорю, у меня сердце колотиться начинает. Приму капелек.

Она взяла пузырек, глядя на него в свои мощные окуляры, стала наливать в бокал, рука дрогнула, и пузырек упал на пол.

– Подь ты к черту! – шумнула бабуля, разочаровано глядя на поднятый полупустой пузырек.

В комнате распространился резкий запах лекарства. Вскоре она успокоилась и совершенно забыла про сына.

Баба Аня была интересной собеседницей. Точнее, я только поддерживал разговор, а она все больше рассказывала о своей горемычной жизни. Я давно заметил, что старики и старушки охотно рассказывают о своей жизни тем, кто умеет их просто-напросто выслушать. И за эту крупицу внимания они благодарны, словно ты чем-то их одарил. Мы проговорили с бабушкой до самой темноты. Уже зажглись огни в окнах соседней пятиэтажки. Уличный свет, пробиваясь через незашторенное окно, освещал большую часть комнаты. Тени, как гигантские летучие мыши, висели в углах этой комнатухи. Внезапно бабушка спохватилась, вспомнив, что мы еще не ужинали, валкой походкой отправилась в кухню. Мы уселись за стол-шкаф, где с трудом могли поместиться два человека.

– Вот привыкла я есть борщ со сметанкой. Давеча налила себе борща, не хватает чего-то... – делилась со мной баба Аня и снова хвалила «Аннушку», так она звала мою мать, за присланные из деревни гостинцы.

Я уже собирался ложиться спать, когда в дверь постучали. Было слышно копошение за дверью у входа – там кто-то стоял, переминаясь с ноги на ногу, вытирал подошвы своей обуви о тряпку. Баба Аня спросила: «Кто там?» Из-за двери громко ответил знакомый голос: «Пушкин!» Она впустила сына. Минут через десять он уже спал – ему рано утром нужно было идти на работу.

2

Когда я проснулся, диван был уже заправлен, дядя Женя ушел тихо, не потревожив мой сон. В комнате стояла дремотная, теплая тишина. Баба Аня неподвижно, словно мертвая, лежала на своей кровати. Её бледное лицо и руки, по-покойнически скрещенные на груди, испугали меня. Сон как рукой сняло, я стал присматриваться к старушке. Руки, лежащие на груди поверх одеяла, в такт дыханию равномерно приподнимались и опускались. От этого мне стало легче. Я тихонько встал. От скрипа половицы старушка прохvatилась ото сна.

Тут же приподнялась на постели, взлохмаченная, подслеповато глядя в мою сторону, пожаловалась:

– От гремит голова, Господи, Господи... Надо хоть таблетку глотнуть.

Она автоматически, вслепую нащупала в пачке упаковку, выщелкнула из нее пару пилюль, запила их водой из бокала, что всегда находился у нее под рукой здесь же, на табурете. И доложила мне:

– Глотнула.

Я уже привел себя в порядок, пока старушка причесывалась и заправляла свою кровать. Когда раздернул шторы, Анна Федоровна спросила:

– На улице ветер, нет?

Деревья не качались, стоял теплый, солнечный день.

– Нет, на улице благодать! – ответил я.

– Что-то голова распулялась, – снова пожаловалась старушка и «глотнула» еще таблетку. Подошла к окну, глянула в окно, чтобы самой убедиться в моих словах, выдохнула: – Хух! Хочь день светлый!

На кухне, за чаем, она мне призналась, что «Женька» с утра встал в добром здравии. «Даже улыбался» и все «шипел на меня змеем, чтобы, не дай боже, тебя не разбудила».

– Он тайком, на цыпочках, прокрался в комнату, встал возле твоей кровати и рассматривал тебя. Было еще темно. А я со своей лежанки наблюдаю за ним. Дернул меня черт, я спросонья возьми да ляпни ему: «Может тебе фонариком по-светить? Свое добро проворонил, чужого охота». Он-то думал, что я еще сплю, и его никто не видит. Убежал. Я пошла к нему в кухню. На кой я туда поперлась, ума не приложу! Он перед моим носом закрыл дверь, обозвал «старой телегой», чтобы я не ходила по дому и «не скрипела». Опять же, чтобы тебя не разбудить.

Мне льстила эта забота обо мне. Это был чужой, спивающийся человек, а все же проглядывала в нем живая человеческая душа. И пил он неспроста, – глушил застарелую неутихающую боль. Воздух этого дома был насквозь пропитан трагедией. Я это понял сразу, когда увидел этих двух людей. И чем дальше, тем страшнее разворачивалась жизненная драма этой семьи. И я, по воле случая, оказался в эпицентре надвигающихся событий.

Весь сентябрь студентов нашего техникума возили на сельхозработы в поселок, что находился неподалеку от Усть-Каменогорска. Утром увозили, вечером привозили. Почти каждый вечер я приносил домой авоську с картошкой и отдавал ее бабе Ане. Она хвалила меня за мою хозяйственную жилку, рассматривала новую партию продукта сквозь большие линзы, нежно называла овощ «картошечкой». Бабушка, наскучавшись в одиночестве за день, радовалась, встречая меня у порога. Дядя Женья был более сдержан, но и он не скрывал своей улыбки. Я тоже не меньше их радовался возвращению «домой», именно так я окрестил это приютившее меня пристанище.

Бабушка радовалась тому, что ее сын стал меньше выпивать и вечерами «сломя голову», как она выражалась, несясь домой. Все это напрямую она связывала с моим появлением. И если раньше дядя Женья кричал на нее и допускал грубости, то с некоторых пор он стал осторожней в словах. Как она мне однажды призналась, он не стал «обижать» ее, даже смеяться стал, чего с ним давно уже не случилось. И еще сказала: «Когда ты задерживаешься, он частенько подходит к двери и прислушивается, ждет тебя. Стало быть, переживает за тебя, как за сына». Дядя Женья

заметно реже стал бегать к собутыльникам, несколько приуменьшил свою привязанность к спиртному, хотя и не отказался от нее совсем. Он четко установил свою дневную алкогольную норму и каждый вечер находился в легком подпитии.

Я тоже стал за собой замечать, что с нетерпением ожидаю возвращения дяди Жени с работы. Я к нему привязался и даже подобрал «свое» словцо к возникшему чувству – «прикипел», «прикипел душой». Приходя домой, дядя Женя отправлял старушку из кухни в комнату, чтобы «не мешалась под ногами», говоря, что у него со мной – мужские дела, будь то ужин, его приготовление или обычные застольные беседы. Она сидела, не включая свет в темной комнате, и с удовольствием слушала, как мы с ним в полный голос смеемся на кухне. А днем признавалась мне, что и ей хочется в нашу веселую компанию, но не хочет понапрасну мешаться.

Иногда дядя Женя бывал трезвым, в эту пору он был не особенно словоохотлив, в долгие разговоры не вступал и отличался напыщенной деловитостью. Но стоило ему «принять на грудь» свою дневную норму, как он начинал сыпать такими перлами, что я покатывался со смеху. Некоторые его «афоризмы» я записывал, и дядька без смущения наговаривал грудую новых. Иногда он тыкал пальцем в сторону моего блокнота и говорил: «Так и запиши...», или «Ты же по области математики, записывай...», или «Записывай, я тебе мешок этих коврижек наговорю...». Видно, ему льстило мое внимание к его персоне.

Некоторые его выражения напоминали поговорки и потому легко запоминались. Другие были более пространными, с философским оттенком. В любом случае, передо мной находился человек, умудренный тяжелым жизненным опытом. Вот кое-что из высказываний Ковригина Евгения Степановича. Я записывал его речи в блокнот с сентября 1984 по июнь 1994 года. «Я тебе черным по белому говорю...», «Кто как работает, тот так и пьет!», «Стрелять нужно точно и метко», «Я – пожизненный раб: работаю, работаю и работаю!», «Что мне надо? Гроб один. На его 300 рублей хватит. 37 рублей стоят 5 венков. Да еще даже на ящик водки хватит. Все подсчитано!», «Самый самостоятельный человек – водитель», «В математике я никогда не волок, да и сейчас... Но все высчитаю за секунды, кому что я должен», «Меня за пятки бери и вверх ногами тряси – одни пятаки, другой валюты нет», «Я самый честный человек из всех людей, что есть на свете. Я ничего не покупаю и ничего не продаю. Видишь, что есть на мне – это мое, чего нет – то не мое», «Есть у меня цель такая: сбежать отсюда галопом, и все «спасибо» скажут Степанычу»...

3

По мере того, как я стал погружаться в мир этой, уже ставшей для меня не чужой семьи, мне открывались интересные детали, факты, события из жизни когда-то крепкого казачьего рода Ковригиных. Анна Федоровна в девичестве имела фамилию Литвинова и тоже имела отношение к казачеству. Были они уроженцами крупной станицы Батинская, что находилась на Верхнем Иртыше. Три страшных беды за полвека пронеслось над нашими местами. Две общих для всей страны – революция и Гражданская война. Часть казаков была уничтожена в Гражданскую, братоубийственную. Часть ушла в Китай, практически навсегда исчезнув за Алтайскими горами. А часть перешла на службу к Советской власти. Крепко от новой власти досталось казакам, которые пришлось ей не ко двору и

были даже не пасынками, а «казачьими вырожденками». Хотя некоторые приспособились к новым условиям, тщательно скрывая сведения о своем казачьем происхождении. В одном архивном документе, перечисляющем состав села Баты в начале 1927 года, только три батинца осмелились назвать себя казаками.

Третья беда коснулась только Прииртышья – затопление родных сел в пятидесятые – шестидесятые годы Бухтарминским водохранилищем, или, как говорят мои земляки, Бухтармою, Бухтарминским морем. Много сел и аулов осталось под водой, в том числе и Баты, и соседняя станица Чистый Яр, где остались могилы моего прадеда и прабабушки. Множество казачьих и неказачьих могил осталось в ту пору на дне Бухтармы... Моя родня переселилась в Ново-Тимофеевку, перенесла бревенчатую избушку на новое побережье, а Ковригины незадолго до затопления переехали за двести верст от родных мест, в город Усть-Каменогорск.

Семья Ковригиных имела пятерых детей. Сначала они поселились в районе «чечен-городка», где жили в частном доме. Но дом угодил под снос, и вместо прежнего многоквартирного дома они получили не то две, не то три небольшие квартиры. Дяде Жене, как самому старшему, досталась двухкомнатная. Поначалу и у него в жизни все складывалось благополучно: женился на хорошей женщине, она родила ему двоих детей, была неплохая работа. Но, как говорится, не в коня овес. Однажды после выпивки попался ему под горячую руку милиционер. Об этом рассказала его мать: «Отметелил Женька милиционера» и бегал по всей родной «комендантке» (так назывался этот район города в неофициальных кругах), пока его не поймали». После этого загремел Евгений Степанович на далекий север на большой срок. И стала рассыпаться его жизнь – прежняя, счастливая, что не ценил он по молодости, не берег. Его жена с детьми уехала на Украину. Квартиру у «зека» по советским законам государство забрало в свою пользу. Не знаю почему, но в том, что у дяди Жени забрали квартиру, которую «можно было отстоять», он почему-то обвинял свою мать. Об этом он, будучи в подпитии, неоднократно припоминал ей. В конце концов, Евгений Степанович оказался «у разбитого корыта», с подорванным здоровьем, без семьи, без денег, без квартиры. Так, можно сказать, «нагишом» он пришел к своей матери в однокомнатную квартиру. Сам Евгений Степанович описал свое возвращение из лагеря так: «Мать меня дожидается пешочком, а я на такси домой привалил...»

Забегая вперед, скажу, что судьба всех остальных детей Ковригиных сложилась не лучшим образом. Они, все пятеро, спились, превратившись в неисправимых алкоголиков.

Отец семейства, Степан Иванович, был фронтовиком и умер задолго до моего появления у Ковригиных. К той поре, когда я поселился у бабы Ани, средний ее сын, которого все вспоминали не иначе, как «Вовка», уже умер от туберкулеза. Валентина, старшая дочь, лишь однажды появилась у своей матери при мне в последний день своей земной недолгой жизни. Зашла она к матери, постояла у порога, дыша перегаром, и исчезла за дверью. А утром сказали, что она умерла. Остались от нее сын Олег и дочка Лена. Младшая из дочек Ковригиных – «Галка», бомжевала где-то за городом, добывая на пропитание продажей негашеной извести. Там и жила она круглый год с такими же пьянчужками, пару раз в год наведываясь к матери, чтобы та не забыла ее в лицо и знала, что она еще жива.

Так в огромной советской стране, в крупном промышленном городе, исчезал казачий род Ковригиных.

Узнав о том, что у Анны Федоровны появился квартирант, в гости зашел познакомиться со мной ее младший сын Борис Степанович. Он жил в этом же доме, через подъезд. Первая жена у него умерла, и теперь он жил с другой женщиной. Под одной крышей с ними жила его дочка от первого брака – Ольга. Дяде Боре в то время было около сорока лет. Он был высокого роста, явно крупнее своего старшего брата и не в пример симпатичнее. Черные аккуратные усы облагораживали его лицо. Позже, когда он их сбрил, лицо его сразу «померкло» и стало пустым. Это был необходимый атрибут лица, если так можно выразиться. В отличие от брата, обладавшего запоминающимися чертами, по которым его можно было легко отыскать в толпе, Борис имел более стандартное лицо. На первый взгляд, он казался строгим, но это впечатление тут же улетучивалось, стоило только заговорить с ним. Как и большинство крупных людей, одаренных большой физической силой, по своей натуре он был беззлобен. Впрочем, эта черта касалась большинства членов ковригинской семьи. Чтобы вывести его из себя, нужно было хорошо постараться. Борис Степанович при ходьбе «пришлепывал» одной ногой – не то результат перелома, не то последствие какой-то болезни в коленном суставе.

Дядя Боря заходил к матери часто, бывало по нескольку раз на день. С утра, когда был еще трезв, младший сын лобызал матушку в щечку, жалеючи, спрашивал ее о здоровье и о том, «не обижает ли Женька». Мать не жаловалась ему, так как это было бесполезно, потому что «строжился» он на брата больше для видимости. Но даже такая небольшая забота имела в сердце старушки теплый отклик. Гораздо больше ее расстраивало то, что и этот сын тоже «пил до беспамятства». Но поделать с этим она ничего не могла.

Меня дядя Боря тоже «принял в свою ковригинскую семью». Имея внушительные размеры, он покровительственно пообещал мне, что если кто-то захочет «на комендантке» меня обидеть, то будет иметь дело с ним. В этом было что-то мальчишеское, но все же мне такое заступничество льстило.

Обычно дядя Боря проходил в кухню вслед за старшим братом, который вытаскивал из-за стола припасенную заранее «полулитру», и они на парочку ее опустошали, маскируя этот процесс под чаевничание. По оживленным голосам мать, конечно же, догадывалась, что на самом деле пьют сыновья, частенько возмущалась этим, но слова ее падали в пустоту, как говорится, что о стенку горох. Закончив очередную порцию спиртного, братья расставались, и младший шел прощаться с матерью, но уже не целовал ее в щечку, чтобы «не дай Бог, не дыхнуть на мать перегаром». Он всегда с ней был обходительным, не позволял себе никаких грубостей по отношению к ней, что отличало его от старшего брата. Называл «мамой» и «мамочкой», и со стороны эти отношения выглядели довольно умирительно. Своей мягкостью Борис подкупал мать, и она на него сердилась гораздо меньше, чем на «Женьку». Следствием таких посиделок частенько, особенно в последние годы старушки, были выступления старшего сына, «концерты», как их называла она сама. В следующее появление Бориса мать просила его о заступничестве перед «Женькой», который ее обижает. И младший сын, недолго думая, выворачивал из тугого кармана кулачище и подносил его под нос старшему: «Ты меня знаешь!» Тот смирлялся и очередной «концерт» откладывался на необозримый срок. И за это заступничество мать была благодарна Борису.

Что творилось дома у младшего сына, мать знала по рассказам своей внучки Ольги, которая «ничегошеньки доброго в жизни не видела». Дядя Женья после ухода брата расхваливал его дочку. Это была одна из его любимых тем. При каждом удобном случае он вспоминал про свою племянницу.

После таких разговоров, когда мы оставались наедине с бабой Аней, она с упрёком выговаривала:

– Ольгу расхвалил... Ольга – вообще человек! Ей грошом никто не помогает. Что она акромья матов слышала? Ничего!

С Ольгой мы познакомились вскоре после моего приезда на учебу. Она уже оканчивала школу, была младше меня на один год. Это была высокая симпатичная русоволосая девушка. Она любила свою бабушку больше всей родни, покупала ей лекарства, помогала по дому, делилась с ней болевым. Так же, как и бабушка, она ненавидела алкоголь и все, что с ним было связано.

Какие только лица не появлялись в этой маленькой квартирке! Особенно в выходные дни, когда мужики, маясь от безделья, дружно собирались в небольшие компании и скидывались на спиртное. Однажды вслед за дядей Женей вошел крупный широколицый мужчина. Он был на голову выше меня и, как мне показалось, на меня смотрел как на некое недоразумение. Крепко сжав мою руку, он долго давил ее, словно пытался выжать из кисти сок. От него несло алкоголем. Басовито представился: «Анатолий... Вернее, дядя Толя. Но во дворе все меня зовут Шварценеггером». А когда из комнаты послышался голос хозяйки: «Женька, кто там?» – дворовый «Шварценеггер» тут же избавился от моей руки, ссутулился на моих глазах и будто стал меньше ростом. Он не ожидал, что дома «мать», от которой ему не раз доставалось. В полусогнутом состоянии он просеменил к кровати бабы Ани и по-свойски представился: «Это я, сын Ваш». Старушка узнала в нем соседа по подъезду: «А! Земляк» Мужчина почтительно два раза лобызнул руку своей «приемной матери» и удалился в кухню. Там, в небольшой компании, его снова понесло и стало распирать изнутри удалью, ему хотелось драться. В маленькой кухоньке едва умещалось три мужика, один из которых готов был затеять драку. Но этого «буйна» хорошо знали во дворе. Была выпита очередная рюмка, «Шварценеггер» упал на стол и разрыдался, когда его стали уводить домой.

Иногда бабу Аню посещал приличный мужчина со своим котом. Он нес на руках своего пушистого питомца. Анна Федоровна потом мне сказала, что Николай по четыре раза на дню ходит навещать свою мать и всегда непременно со своим любимым Василием, так просто звали его кота. По пути он иногда заходил и к нам в гости.

Баба Аня погладила кота, но тот сидел вялый.

– Что, Василий Иванович, пасмурный такой? – обратилась старушка к коту. – Приболел, что ли? Или старый стал? Квёлый ты чтой-то нынче... – Бабушка задумчиво погладила ленивого кота и подытожила: – Все любят ласку, все любят доброту.

Жизнь в этой маленькой квартире протекала до того однообразно, что можно было не утруждать себя предположениями о том, как пройдет день завтрашний или очередной выходной. В рабочие дни Евгений Степанович приходил с работы в начале шестого, в десять он уже ложился спать. В выходные он крутился

в своем дворе в поисках выпивки и дальше гастронома «Жастар» не уходил. Вся «культурная» программа этого человека ограничивалась районом родной «комендантки». Лишь изредка, в воскресенье, он выезжал на рынок, а в иную субботу шел в городскую баню. Баба Аня летом выбиралась на свежий воздух и сидела со старушками у подъезда на лавочке, дальше которой ее нога не ступала уже долгие годы. Зимами она раз в неделю выбредала в подъезд и шла в гости к какой-нибудь соседке, живущей выше этажом. Вот и в этот выходной она отправилась в гости.

Я сидел на кровати и читал книгу, когда бабушка, тяжело переваливаясь, пошла ко мне и отчиталась, чтобы я не терял ее:

– Пойду я к Смирнихе схожу, на пятый этаж. Если долго не приду, иди, ищи меня. Значит, валяться где-нибудь буду. Двери не закрывай, я быстро. – В дверях она беззлобно и едва слышно проронила в сторону кухни, где сидел за бутылкой ее сын с пьяным другом: – Скотина такой...

В кухне между тем шла оживленная беседа. Исембай, попросив спички, прикурнул.

– Сенкью! – поблагодарил он, с минуту вдумчиво молчал, а потом задал вопрос: – А кто был первым русским царем?

– Ты что преподаешь мне – географию или геометрию? – вопросом на вопрос ответил Евгений Степанович.

– Эй, джигит, ты что? – пошел в другую сторону пьяный разговор.

– Какой ты джигит, ты коня боишься!

– Зачем мне конь, я на тебя сяду.

– Как сядешь, так и слезешь.

Разговор петлял и путался, как лисий след на снегу. Исембай был уже в том состоянии, когда хотелось поговорить о душе.

– Мне, Женька, все равно в смоле вариться...

– Вариться-то, это если гудрон подвезут. А кто подвозит? Только я смогу достать его, я же экспедитор! – успокоил друга Евгений Степанович, и они дружно рассмеялись.

В этом непонятном постороннему человеку разговоре было что-то, что устраивало обе стороны.

Исембай продолжал:

– Все равно я примату этому ноги подтешу.

Друг-«примат» реагировал на это соответствующим образом:

– А я тебе язык. Ты сегодня ляжешь спать, в 12 часов ночи я тебя, как Вий, вытащу в трубу.

После очередной стопки у Исембая навернулись на глазах слезы. Это означало, что дальше пить уже некуда. Дядя Женья взял друга за локоть и повел к выходу.

– Ну все, приехал, Серафим.

Евгений Степанович одел друга, усадил его на табурет и стал сам обувать его и завязывать шнурки.

– У него самые маленькие китайские туфли.

– Сенкью, ол райт, Женька, – поблагодарил Исембай, которого дядя Женья повел домой.

Вернувшись, он уселся на диван и, словно оправдываясь передо мной за свое пьянство, стал нахваливать друга:

– Исембай-то ничего мужик! Большеголовый, работал сроду да пил.

Баба Аня вернулась, когда ее сын уже спал. Она подслеповатыми глазами посмотрела в его сторону и тихо у меня спросила:

– Спит?

– Ага, – так же тихо прошептал я в ответ.

– Ну, слава Богу! Пусть спит. Я сейчас чуть-чуть почищу картошки, а потом ремишелки брошу. И мы с тобой поужинаем.

За ужином баба Аня рассказывала последние новости нашего подъезда.

– Там у соседей «Прогресс» украли и два «Вихря»... Покидались, покидались, а найти не могут. Где уж теперь найдешь! Прямо на Иртыше из гаража вытащили и угнали!

Другая история была про других соседей:

– У нас на пятом этаже живет парнишка, ну, красивый такой! Работает научным сотрудником в институте. Жена у него – корова да корова. Вот такая жирна, неуклюжа, да еще к тому же любовника глубокого заимела. Да не одного! В лето кого у нее только не было: и русских, и казах, и татар... Так он к ней опять вернулся. Уходил от нее, но вернулся, как бычок на привязи. А свадьба у них, помню, пышная была. Когда они женились, семь машин легковых ехали с ними и два мотоцикла, и на каждом пузыри надуты, целый коттедж ехал.

Я не стал умничать и поправлять бабушку, объясняя разницу между «коттеджем» и «кортежем». И так все было понятно.

– И вот он опять к этой своей вернулся. Ребенка по утрам в садик водит.

6

Моя учеба в техникуме оставляла желать лучшего. Это, наверное, только на квартире, где я жил, меня считали «ученым человеком». Стоило мне переступить порог учебного заведения, как меня начинало мутить от бесконечных формул, электрических соединений, приборов. Жуткое состояние, будто вместо одной группы крови в тебя вкачивают другую, несовместимую... Как же я страшно ошибся с выбором профессии! Неисправимый стопроцентный гуманитарий – и «техническая механика». Несовместимые вещи. Ужас! Меня и по сию пору коробит от чуждого мне мира электричества.

Отделение, на котором я учился, называлось «Эксплуатация и ремонт городского электротранспорта», коротко – ЭРГЭТ. В группе было больше тридцати человек. Часть из них так же, как и я, оказались здесь людьми случайными и попали лишь потому, что на эту специальность можно было легко поступить. Основной костяк группы составляли одиннадцать парней, вернувшихся из армии. Они были более опытными и серьезнее нас относились к выбранному делу. Одного из них звали Виктором, с ним мы сошлись ближе других. Он тоже был приезжим. Внешне выглядел крупным и плечистым. Он научил меня «встряхиванию позвонка». Для этого обхватывал меня в груди, приподнимал и сжимал так, чтобы захрустели позвонки. Это мы делали почти на каждой перемене, по выражению Вити, «для профилактики». То же самое я проделывал с ним, приподнимая его центнеровую фигуру и стараясь выдавить из него «хруст». Наша группа была дружной. Однажды кто-то принес магнитофон-микрокассетник, его сунули мне в руки, и мы ватагой бродили по всему техникуму, врубив музыку на всю катушку. Мы с Витей шли впереди.

Тогда были популярны группы «Примус», «Альфа», «Динамик», слушали Лозу, эмигрантов.

После первой сессии почти треть группы отсеяли. До сих пор не пойму, почему меня оставили учиться дальше. Видимо, надеялись, что я сдам задолженности до следующей сессии.

От той поры у меня остались редкие воспоминания. Особенно четко отпечатался в памяти запах прелой листвы, ковром лежавшей возле техникума.

После учебы я шел на квартиру, обедал и отправлялся «в город», хотя жил я в трех шагах от центра города – площади Ушанова. Обычно со мной был кто-нибудь из бывших одноклассников, приехавших, как и я, на учебу из нашего села. Мы садились на автобус и ехали по наитию, изучая город из окна. В наших маршрутах не было никакой системы или плана. Нередко бывало так: мы отправлялись в одну сторону, а оказывались в совершенно противоположной. Выходили на какой-нибудь окраине – Согре или Аблакетке, смеялись без особой причины, как смеется в этом возрасте большинство взрослеющих безусых юнцов. Оглядев окрестности, мы снова садились на первый попавшийся маршрут и доезжали до уже знакомого нам места. Центр мы весь обходили пешком и вскоре уже знали эту часть города совсем неплохо. Иногда нам попадались ватаги таких же, как мы, подростков, эмоционально рассказывающих друг другу о своих невероятных приключениях и сопровождавших свои байки бойкой жестикуляцией. Так же, как и мы, они были приезжими, принадлежали другой, деревенской среде, волею обстоятельств были вырваны из нее и смотрелись вычурно и нелепо, выделяясь на фоне коренных горожан.

Однажды, во время очередной прогулки по городу, я заблудился и вернулся на квартиру, когда на улице уже была ночь. Баба Аня, не спрашивая, открыла мне дверь. По всему было видно, что меня уже заждались.

– Наблукался? – спросила она. – А я вот уснуть не могу. Вступило в голову... Уже таблеток наглоталась. И этот не спит, ворочается с боку на бок, переживает за тебя.

Дядя Женя приподнялся с дивана, пошел за мной в кухню. Босоногий, в черных семейных трусах, он стоял возле стола. Назидать он не умел, но высказал, как умел, свое отношение к моим похождениям:

– Ты бы по ночам не шорохался... Зверье, опять же, кругом бродит.

«Зверьем» он называл хулиганов. Сказал и пошел спать.

7

На следующий день я встал, хорошо выспавшись. Было около девяти часов утра. Воскресный день. На улице стояла чудесная солнечная погода. Дядя Женя, поднявшись по привычке рано, извелся в ожидании нашего пробуждения. Он уже выходил на улицу, прошел по округе, узнал последние городские новости. Там же, во дворе, он «слегка принял на грудь». Придя домой, громко кашлял, начищал туфли. Одним словом, давал понять, что пора бы уже и нам подниматься. Это все я слышал сквозь сон. Также слышал и утреннее «приветствие» сына и матери. Вместо «доброго утра» звучало обыденное ворчание старушки о головной боли. Вместо сочувствия сын напоминал ей, что это обычное явление: «Она у тебя каждый день болит». Она несколько минут сидела на кровати, приходя в себя после сна, спрашивала у сына: «Что ты, Женька, все утро шорохася? От тебя,

может, головушка и болит. Поспать не дашь! Ведь воскресенье...» Он в ответ резко накидывался на нее: «Все никак не выспишься! Ты что, на производстве работаешь, у тебя каждый день – воскресенье! Обоспаться можно». Старушка брала гребешок со стола, расчесывалась, щебетала: «Гау-гау, каждый день одно и то же. Только и слышишь от тебя с утра до вечера: гау-гау. Как же тут голова болеть не будет! Спросишь человека, а он в ответ отлает тебя». С этим «гау-гау» на губах она исчезла за дверью в ванную. Дядя Женя не стал усугублять разговора, снова ушел на улицу.

В тот день Евгений Степанович «прогулял» обед, что было на него совсем не похоже. Он был очень дисциплинированным человеком, к тому же «домашним»: питался он только дома, за исключением вынужденных обедов на работе. Не признавал он всяких «забегаловок» и сухих перекусов, чтобы перебить аппетит. У него был свой четкий лозунг по этому поводу: «Есть нужно горячо и плотно!» Баба Аня долго дожидалась своего сына. Потом она накрыла приготовленный обед плотным кухонным полотенчиком, свернутым вдвое, а вскоре догадалась, что ждать его нужно только к вечеру:

– Чую, натрескается сёдни Евгений Степанович до поросычьего визга.

Для такого заключения были у матери все основания, кто лучше ее мог знать свое великовозрастное дитя. Она вышла на балкон, потрогала белье: «Сухо бельишечко». Собрала его, разложила по местам. Сняла кухонные тряпки с батареи: «До смерти пересохли». Унесла их на кухню. Накинула пальто, пошла на улицу «посидеть с подружками на лавочке».

К вечеру, как и предполагала баба Аня, дядя Женя пришел изрядно выпивший. Он скребся в двери, звенел ключами, усиленно вытирал подошвы о тряпку, лежащую у порога, громко кашлял. Я открыл дверь. Даже переступить через порог он смог только благодаря мне. Смотрел исподлобья – видел меня или не видел? Но был очень весел и, как умел, старательно улыбался большими непослушными губами. Я его сразу проводил на его «лежанку», помог раздеться, уложил, укрыв одеялом.

Работу дядя Женя никогда не прогуливал. В каком бы он ни находился состоянии вечером, наутро он поднимался спозаранок, приводил себя в порядок и шел на работу. Другой бы на его месте после такой дозы спиртного наутро не смог бы голову от подушки оторвать, но не таков был дядя Женя! Утром он выглядел, как новая копеечка. Идеально выбрит, к порезам приклеены клочки газеты. Он ядрено душился крепким одеколоном, перебивая запахи похмелья. На брюках – «стрелочки», ботинки начищены.

8

– Да разве мы с Батов поехали бы куда, если бы топить не стали посёлки! – признавалась мне баба Аня. – Мы там жили хорошо. Мой Степан Иваныч всегда при работе был. –

Баба Аня называла своего мужа либо по имени-отчеству – «Степан Иваныч», либо по фамилии – «Ковригин». – В Батах раздолье было. Красота. Горы неподалеку. Иртыш рядом бежит. Рыбу мальчишки домой таскали – завались. Вволю едали рыбку. Спасибо, хоть ты иногда подбрасываешь рыбки, а то бы забыли и вкус ее. Сколько там радости было! Бывало, слушаешь, как курочка залопочет или петушок запоеет... А сейчас сидишь в тюрьме своей и смертушки

дожидаешься, никакой радости в жизни! Нас бы не снесли, мы бы сроду из Батов не уехали!

Частенько она вспоминала свои Баты, рассказывала про дружное «ранешнее» житье. Глаза у нее в эти минуты светились, смотрела она мимо меня, в свое далекое прошлое. Иногда вытирала глаза платком, а порой вспоминала что-нибудь смешное и смеялась тихим добродушным смехом. Припомнила и небогатую свадьбу свою, и первые «медовые» дни.

– А мне даже стыдно вспоминать... Когда я вышла замуж, Ковригин меня неделю не трогал – его в тот же день в командировку отправили.

О своем «Степане Ивановиче» бабушка всегда вспоминала с теплом. Никогда он ее не обижал. Любил ее. Выпивкой не злоупотреблял.

– Выпивал, что греха таить... Но меру знал. Не то, что эти, в три горла пьют... Всё никак не напьются. Да и мой родной брат, он хоть и выпивал, но он, брат ты мой, за детьми следил. А эти...

Уж лет пятнадцать как схоронила она своего мужа, а нет-нет и вспоминала иногда его привычки. Поджаривая картошку, она заметила:

– Я люблю картошку с зажарком, а мой Степан Иваныч любил картошечку впросырь...

Кое-что о своей студенческой жизни на квартире у Ковригиных рассказывала и моя мама. По-деревенски просто описывала она Степана Ивановича:

– Дядя Степа был крупный собой, добрючий мужик. Работал, как конь, всю жизнь шофером был. Губы здоровые у него, расквасит их... Вальке в наследство дяди Степины губы достались и Женьке. Остальные в тетю Нюсю пошли. Тетя Нюся была сильно красивой в молодости. Не жалела для нас ничего. Нас тогда у нее три девчонки на квартире жили. Картошка закончится у нас, а она нам говорит: «Девчонки, слазьте в погреб, наберите себе картошки». Делилась с нами, хоть у нее своих пятеро детей было. Старшая, Валька, с тридцать шестого года, хорошая была женщина, умная, добрая. Окончила кооперативный техникум. Учился с ней парень-немец. Задружила она с ним. Он погулял с ней да бросил. Родила Валька от него парнишку, только он недолго пожил, умер. С той поры она выпивать стала. Вышла замуж повторно. Родила Олега и Лену. А потом спилась на нет. До войны еще родились у тетя Нюси Женька и Галька. Потом дядя Степа ушел на войну. А после войны уже – Вовка и Борька. Эти двое последних балованные были. За домом цветы росли, георгины, они вытопчут их. Тетя Нюся кричит нам: «Анька, поймите этих сорванцов, налупите их». Мы их поймаем, налупим. Этот Вовка бестолковый был. Он первый и умер. Сидел вроде как... Пришел с туберкулезом из тюрьмы, открытая форма была. Ни жены у него, ни детей не было, болтался как навоз по проруби. Самый непутевый. Хотя разобраться, кому из них шибко повезло? А про тетю Нюсю и говорить нечего... Доконали они ее. Почему так получилось? Ума не приложу!

9

Однажды ночью из-под кровати бабы Ани выпали доски, что были подложены для жесткости. Вес у бабушки был немаленький, и потому она, провиснув в панцирной сетке, как в гамаке, промучилась всю ночь. Уснула только утром. Дядя Женя уже был на работе, а я – в техникуме. Придя к обеду, я обнаружил Анну Федоровну в расстроенных чувствах. Она мне пожаловалась:

– Я сёдня спала, как в торбочке. Доски упали из-под кровати, и я насилушку утром выбралась из нее. Ночь промаялась, перед Женькой уснула, как идти ему на работу. Даже не слышала, как вы ушли из дому. Голову наломала... Вступило в голову, хоть ты тресни. Таблеток уже, наверно, горсть съела.

Доски валялись на полу под кроватью. Я стал «ремонттировать» лежанку: взгромоздил на прежнее место доски, закрепил их основательно. Мне по-человечески было жаль старушку. Она сама не в силах была справиться с возникшей ситуацией. И то, что для меня казалось мелочью, для нее было большим неподъемным делом. Надо отдать ей должное: она не стала тревожить нас среди ночи, так как прекрасно знала: «Женька меня отлает, а ты так добро посапывал во сне, что жалко было тебя будить».

Вскоре я шутя, с улыбкой доложил бабе Ане, что ее кровать «готова к работе», что вызвало ее добрый смех. Много ли надо старому человеку! Вскоре она совсем забыла о своем «ночном приключении», как она назвала свою маленькую трагедию с выпавшими досками.

Дядя Женья вечером пришел в хорошем настроении – получку получил. По этому поводу выпил. Принес домой любимые «спинки минтая» и пряники. Переодевшись, встал у плиты готовить свое коронное блюдо – «рыбу по-рыбацки». Меня усадил рядом на стуле и стал обучать тонкостям приготовления рыбы: «Главное – не забудь постного масла, одну столовую ложку. Бросаешь рыбу. Заливаешь обычной водой, чтобы покрыло всю рыбу. Добавляешь полную ложку сметаны, солишь, а в конце лука и лаврушку забрось. Вот и вся готовка». Во время приготовления ужина дядя Женья пару раз отлучался. А когда возвращался, то мне казалось, что его язык заплетается больше и больше. Я решил проверить свою версию о том, что он неспроста заходит в ванную. И после того, как он в третий раз исчез за дверью, я постучался вслед за ним. Мне открыли. Лицо его было недовольным, я сразу понял, что оторвал человека от дела. Правая рука у него была отведена в сторону и была видна мне только до локтя. Я заглянул за дверь и обнаружил, что в этой вытянутой руке он держит бутылку красного вина. К этому времени мы уже вовсю шутили друг с другом. Дядя Женья не обижался на мои «проделки», наоборот, сам поощрял меня и лишний раз готов был посмеяться вместе со мной. И в этот раз ему ничего не оставалось, как «сдаться мне на поруки», ведь я застал его «на месте преступления».

– Вывел ты меня на чистую воду! Собственно, тут и отпираться нечего. Пил, пью и буду пить! Не отрицаю.

С того памятного вечера дядя Женья не стал уже прятаться от меня, а ставил бутылку между стулом и стеной и пил за столом. «Культурно» стал пить, говоря его же языком. В этот вечер он был «в ударе». Заплетающимся языком он мне рассказывал:

– Дед у меня был басмач! – он не сразу понял, что сказал, потом исправился: – Ой, как его, казак! Ему башку в бою отрубили, а он до самой Миролубовки двадцать девять километров еще шашкой махал, рубил всех...

Эту историю, конечно же, он переврал спьяну. Никаких «двадцать девять километров» не мог человек, будь то самый лихой казак, скакать да еще рубить, будучи без головы. А вот что оказалось верным, так это то, что в Гражданскую войну Ковригин Иван был действительно «лихой казак» и ему в одном из боев красные срубили голову.

Самым печальным в этой истории было то, что о своем предке поведал пьяный человек без особой сердечной траты, с душевной глухотой, козырнул чужой лихостью, родным горем играючи.

Больше о казачьей родне воспоминаний не было. И если бы не этот страшный эпизод про «срубленную голову», то, возможно, стерлось бы вообще в ковригинском роду упоминание о казачьих корнях.

10

Воскресным утром баба Аня, заслыша шорох у дверей, пошла в коридор. В белой ночной рубашке в сумеречном свете она была похожа на привидение. Я вышел из ванной и увидел, как Анна Федоровна аккуратно приоткрыла дверь и выглянула в темноту подъезда. Но там никого не было. Она повела плечами в недоумении и, почему-то заподозрив соседа по площадке в подозрительных шорохах, призналась мне:

– Вот соседи у нас – умные люди. Живут и не живут. Свинья он, – она тут же оглянулась на дверь, – он в ЭНКЭГЭБЭ работает. Зверь. Редкий раз дома бывает. Поздоровается так, будто бритвой полоснет. Жди от него чего угодно...

В это время, со сна, подслушав наш утренний разговор, подскочил со своего дивана Евгений Степанович. В больших семейных трусах он подбежал к матери, отстранил ее от дверей и в приоткрытую дверь завопил:

– Я его все равно зарезу рано или поздно! Сёдня или завтра, а один черт выслежу и уничтожу этого врага народа!

Звонкое эхо громыхнуло вверх и вниз по подъезду, напугав застоявшуюся тишину. Дядя Женя еще порывался что-то выкрикнуть, но мать защелкнула дверь на замок, чуть было не прищемив в проеме сына.

– Поть ты к черту, в любой бочке затычка! Еще запишет да тебя же и посадит. Иди...

Сын пошел в кухню, достал точило и кухонный нож и стал точить.

– Это еще что такое? – спросила его старушка.

– Да на всякий пожарный случай! – решительно ответил Степаныч, хотя понятно было, что он настроился серьезно.

– Ну и дурак, ну и дурак! Может, то вовсе не Петр Егорович. Может, вовсе зря на человека напраслину возвели, – пыталась сгладить напряжение раздосадованная старушка.

– А кто бы ни был! Нечего под чужими дверями шорохаться, – не унимался ее сын.

Он по-прежнему стоял в семейных трусах и пробовал пальцем заточку ножа. Махнув рукой, бабушка отправилась застилать постель и принимать таблетки.

Больше в это утро ничего экстраординарного не случилось, и буря, возникшая в стакане воды, улеглась сама собой. Завтрак протекал чин по чину, по заведенному в доме этикету. Степаныч был в ударе и снова сыпал своими афоризмами. Сначала он вспомнил своего друга, что отслужил на флоте. Человек этот так и не стал «морским волком» в силу своей несовместимости с водой. Любимая поговорка друга-моряка была такая: «Я – моряк-то старый, смотри место, чтоб я не утонул!» После чего дядя Женя перевел разговор на свой гардероб.

– У меня три костюма. Самый лучший – на гроб!

В черную от чая-«купца» кружку он наливает вино, бутылку прячет за стол – подальше от «бабкиных глаз». Он теперь сидит, не боясь «бабки», которая ему за это дело «плешь проест». Попробуй догадайся, что там, в кружке налито – вино или самый настоящий чай. Конспиратор еще тот. При появлении матери берет в руки пряник для «отвода глаз», припивает из кружки, закусывает пряником, будто и в самом деле чай пьет. Баба Аня подслеповато смотрит на нас, сидящих за столом, жующих пряники.

– Чаишко пьете? – спрашивает.

– Пьем чай, – отвечает Евгений Степанович. – Тебе налить?

– Я чуток позже, – отказывается мать и снова уходит в комнату.

Дядя Женя улыбается своей находке, что не испугался старушки и хладнокровно провел ее, избежав излишней шумихи.

– Главное – не дрейфить никогда, – поучает меня Евгений Степанович. Поучая, смеется открытой улыбкой, обнажив крупные, желтые от табака зубы.

Мне ли его осуждать? Сижу, молчу, мотаю на ус. Мне вот-вот должно исполниться семнадцать лет. За спиной ничегошеньки пока нет, кроме школы. Что моя доля в сравнении с долюшкой этого дядьки-горемыки! Или – еще хлеще – с долей этой измученной старушки! Слушаю дядькины рассказы, а поучения его вправе принять или не принимать, поступать по-своему: вольному – воля. Чем мы связаны? Разве только тем, что вместе проживаем на восемнадцати квадратных метрах! Хотя, если разобраться, во многих вещах он оказался прав. Простыми словами он высказывал зрелые, иногда даже мудрые суждения, дорости до которых мне понадобились годы. Без камня за пазухой, весь как на ладони был этот человек.

Стоя с ложкой в руке у газплиты, где скворчит на огне жареная картошка, дядя Женя выдает мне очередную порцию поучений:

– Не грабь! Не воруй! – Помешивает за жарки. – У человека душа должна быть! Главное – будь человеком! – Ставит сковородку на стол.

Он вытаскивает «заначку», наливает в свою кружку. Закусывает картошкой.

После небольшой паузы признается:

– Прирос я к тебе, прикипела душа. Тебя нет – мне чего-то не хватает. Приду, ты дома, совсем другое дело! Вот тебе кастрюля, суп...

Не скрою, что в то время мне тоже нравился этот человек своей открытостью, заботливостью обо мне. Иногда он напоминал мне юродивого, который прятал за внешней убогостью неизвестное мне откровение, а среди словесных каламбуров просматривалось назидательное или пророческое слово.

– Раньше я какой-то другой был, шустрый какой-то... Сколько я чудес натворил! Это я сейчас вялый стал. Наверно, от этого дела. – Постукивает пальцем по горлу, намекая на алкоголь. – Или годы уже подошли? Но я все равно не сдаюсь. Утром встаю, как солдатик. Двадцать минут – утренний туалет: тихо и приятно. Из них две минуты – чистка зубов: быстро и надежно. Три минуты бриться: красиво и чисто. После того – чай пить пятнадцать минут: тихо и вкусно. И все у меня с расстановкой расписано.

В тот день дядя Женя потянулся воспоминаниями в прошлое, к той поре, когда зеком стал. От тех времен осталась у него на правой руке небольшая бледная накладка в виде ромбика, приподнялась она на вздутой развилке вен.

– Доставили нас на север. Там кругом лагеря. Там такая горная река была, что трактор этот С-100 вертело, как балалайку. Меня в лес увезли, а там вообще – туши свет!

В этот момент он закатил глаза под веки. Так он обозначал нечто жуткое.

– Кругом тайга, болото, никуда не убежишь, шагнешь мимо – провалишься, пропадешь. А лес такой был – конца ему нет, под облака заходит. Небо полоской вверху меж деревьев. Снегу по грудь! Я подумал сразу: валить я не буду. Этот лес я не сажал и валить его не буду. Но обошлось... Привезли нас 33 человека. Начинают выкликать: Ковригин – пожарник.

Мы давно уже поели и помыли за собой посуду, сидели за чистым столом. Дядька то и дело поднимался со стула – иной рассказ требовал, чтобы его рассказывали именно стоя.

– Был у нас дядя Вася из Лениногорска. За 25 лет он объехал все лагеря Союза!.. – Об этом человеке Евгений Степанович говорил с уважением, а про другого – с явным пренебрежением: – А Перепелкин, тот – вообще шпингалет! Ему дунь вот так вот, – дядя Женя зажимает большим пальцем одну ноздрю своего немаленького носа, набирает полную грудь воздуха, – и от того Перепелкина ничего не останется. А если особенно вот так, – он вновь своим грубым кривоватым пальцем зажимает ту же ноздрю и набирает в грудь воздуха через край, – то Перепелкина совсем не найдешь!

Он дождался, пока я просмеюсь и запишу в блокнот его высказывания, горько улыбнулся, о чем-то сожалея. Повернулся и пошел, не сказав на прощание «спокойной ночи». В темноте коридора наотмашь махнул к земле тяжелой рукой, не то встряхнув замлевшую руку, не то отмахиваясь от навязчивого прошлого. Шептал с дрожью в голосе: «Бывает оно в жизни так... Бывает. Как пошел сразу не по резьбе...»

11

А в ноябре со мной произошло следующее.

В то время ко мне чаще всего заходил в гости мой бывший одноклассник Иван, который тоже учился в энергетическом техникуме. Вот только «учился» – слово, не совсем подходящее для него. Техникум Ванька посещал, когда ему вздумается, и потому мы частенько коротали свободное время в прогулках по городу. По этой причине и сошлись, хотя в школе мы никогда не были с ним близки. В отличие от меня, он и в школе учился едва-едва. В школьных мероприятиях участия не принимал, кажется, даже не состоял в комсомоле. Но это не по политическим соображениям и не из-за принципа, а из-за сумбура в его шальной голове. На уроках он выдавал неподражаемые перлы, заставлявшие нас кататься со смеху по парте. Помню, как на географии он показывал автономные республики. Начал с Коми АССР, назвав ее «Ками», чем вызвал улыбку учительницы. Но когда он произнес столицу этой автономии, класс взорвался от хохота. В его транскрипции это звучало как «Сывтыкватор». После первой автономии Ивана попросили сесть на место, что он проделал с явным негодованием и с оскорбленным видом. Таков он был во всем – возмущался, негодовал, всегда считал себя невинно пострадавшим и всегда находил объяснения любым своим поступкам. Все это он проделывал без явной злобы, создавал много шума, быстро вскипал и быстро остывал. Играя в футбол, чаще попадал по ногам соперника, чем по мячу, и сам терпеливо сносил

пинки игроков чужой команды. Голы не забивал, но наносил ущерб живой силе противника. С этим вот одноклассником мы и сошлись на недолгое время моей учебы в Усть-Каменогорске.

Был Иван роста выше среднего, имел белый льняной волос, чуб зачесывал набок. Ко мне на квартиру он приходил как на работу. Каждый раз он приносил какую-нибудь новую идею. Однажды ему захотелось иметь магнитофон, а так как для осуществления этой мечты стипендии явно не хватит, то мы решили бросить учебу и устроиться на работу. И, недолго думая, отправились на завод в другой конец города, откуда нас успешно выпроводили, ведь нам было всего по шестнадцать лет. Как я поддавался на Ванькины авантюры, для меня и сейчас остается загадкой.

В тот год рано выпал снег. После двух снегопадов и двух оттепелей ударил мороз, и зима законно вступила в свои права. После первых морозов на дорогах и тротуарах начался гололед. Этот момент я помню отчетливо, потому что в один из ноябрьских дней мне пришлось возвращаться домой после первой в моей жизни выпивки. В тот день мы бесцельно шатались с Ванькой по городу, пока в его голове не появилась мысль – посетить своего родственника. Его двоюродный брат Василий был старше нас лет на восемь, жил в небольшой квартире, которую получил на заводе. Это был хороший работающий парень внушительного роста. Он сбежал в гастроном, принес бутылку водки, булку хлеба и «заморский» фрукт. Когда Василий произносил коротенький тост, граненый стакан в его мощной руке прятался почти целиком. Ванька заправски чокнулся с братом, а я, чуть не задохнувшись водочной горечью, никак не мог ее сглотнуть. Помню тот первый в жизни отвратительный вкус водки. Грейпфрут, который был единственной закуской в тот день, мне тоже не понравился. Он был горьким, невкусным и только усиливал неприятное ощущение во рту. В то время такой продукт, как грейпфрут, на наших столах был большой редкостью, и мало кто умел его правильно есть. Василий тоже не был искушен в такой «заморской закуске» и нарезал его, как смог. Мы ели его прямо с горькой кожицей. Может, потому мне хорошо и запомнился тот день, как и гололед, на котором я много раз падал по пути домой. Нетрудно догадаться, что такой, как я, неискушенный малый не столько выпил, сколько ослаб от выпитого. Вскоре тело стало непослушным, чужим. Ноги не могли попасть в собственные сапоги, которые мне помог надеть Иван. Самое сложное началось уже за дверью Васиной квартиры, когда я понял, что ноги отказываются идти прямо. Я опирался на Ивана. Он был моим поводырем, провожая меня по всему городу. Долгой показалась мне дорога в тот день, но в конце концов я оказался у знакомой двери. Надо отдать Ивану должное: он меня не бросил по дороге, а довел до места. Сквозь облако, окутавшее мое сознание, я понимал свое падение, и мне было стыдно, что придется показаться в таком виде перед чужим человеком. Одноклассник поставил меня перед самой дверью и нажал звонок. Когда баба Аня открыла дверь и увидела меня в таком виде, она спокойным голосом сказала: «Проходи, не стой в пороге». Я тяжело развернулся, чтобы попрощаться с одноклассником, но его уже не было рядом. С трудом разувшись, я дошел до дивана и упал на него. К счастью, дядя Женя уехал в командировку в другой город, и его место было свободным. До своей кровати в тот день мне самостоятельно дойти было не в состоянии...

Я еще лежал на диване, когда на улице повсюду светило утреннее солнце. Баба Аня возилась с бельем в ванной, затеяв стирку. Я давно уже продрал свои бесстыжие очи, ворочаясь с боку на бок и не зная, как мне предстать перед лицом моей

замечательной хозяйки, которая ни словом не упрекнула меня за мой вчерашний поступок. Если можно было б не просыпаться в тот день, то это было бы для меня тогда лучшим выходом. Моя совесть саднила, как тяжелый ожог. И это мучило меня больше, чем отвратительное состояние похмелья.

Спас меня в то утро звонок в дверь. Баба Аня впустила моего собутыльника Ваньку, доложила ему:

– Спят еще Сергей Алексеевич. Вчера трудный день был у него...

Я поднял голову от подушки. Мне стало плохо. Закружилась голова. Баба Аня, глядя несоразмерно большими сквозь линзы очков глазами на меня, улыбнулась с пониманием: «Болит головушка...» И так же негромко проронила: «Кто тебя? Да сам себя! Мать бы тебя за это дело выдрала, а я-то уж не стану, что с г...м связываться». И ушла заниматься «постирушками». Ванька тоже вскоре ушел, видя мое состояние. После этого случая я стал избегать пустых встреч с ним и таких вот ненужных походов. Вскоре он забрал документы из техникума и уехал назад, в село. Забегая далеко вперед, скажу о короткой судьбе моего одноклассника. Умер он, не дожив до сорока лет, от туберкулеза.

А через пару дней после этого «происшествия» к нам в гости приехала моя мама. Она привезла уйму продуктов из деревни, помогла Анне Федоровне прибраться в доме, наварила большую кастрюлю борща. Эти несколько дней, пока мама находилась у нас, я вынужден был посещать техникум ежедневно, как всякий порядочный студент. Отбив там несколько пар, я возвращался домой.

Дядя Женья еще находился в командировке, и потому его диван был свободен. Анна Федоровна сняла с него «Женькино» белье и приготовила новое для ее любимой «Аннушки» – моей мамы. На простынях и пододеяльниках – косые линии и некрупные надписи по всей длине – «Минздрав». Такой же комплект постельного белья был и у самой бабы Ани. Эта надпись «Минздрав» и груда таблеток на табурете больше напоминали больничную палату, чем обычную квартиру.

Спать легли пораньше. В темноте женщины еще долго шептались.

Баба Аня припомнила анекдотичный случай:

– На прошлой неделе в соседнем доме вор залез через балкон в квартиру. Они тоже, как и мы, на втором этаже живут... Собрал тот воришка в тюки все доброе. Полез в холодильник, а там водка стоит и закуска разная. Выпил водки и уснул, перебравши. Хозяева пришли домой, видят – вор спит, позвали соседей, милицию вызвали.

Этим рассказом бабушка рассмешила мою маму. И она в ответ припомнила из своей жизни что-то веселое. А потом неожиданно спросила:

– А что мой Сережка? Что про него скажете, тетя Нюся?

В темноте повисло молчание, показавшееся мне долгим. Казалось, жизнь моя висит на волоске.

– А что Сережка? Хороший парень!

После этих слов я с легким сердцем уснул.

Почти две недели дядя Женья был в командировке. Появился он так же неожиданно, как и исчез. Баба Аня сразу узнала его по стуку в дверь, да и нельзя было не узнать этот настойчивый уверенный бой, с каким в чужие двери не стучатся. Он как бы сам за себя говорил: «Чего медлите, домочадцы, хозяин приехал».

Его мать, оставив свою скрипучую кровать, подалась к выходу, по дороге отпуская шутки: «Никак приехал наш министр, собственной персоной. Пойду, отрапортую...» Слышно было, как за дверью в нетерпении Евгений Степанович притаптывал тряпку, вытирая подошву. Он кашлял искусственным кашлем, чтобы только показать, что ждет не дожидается, когда его впустят. Небыстро дотелепала старушка до дверей, успела открыть, когда сын уже занес руку для очередного громового стука. Вместо обычного «здрасьте» путешественник накинута на мать с упреком: «Не шибко ты расторопна, гляжу... Пять шагов от кровати до двери – это же гора времени, нужно билет в кассе взять, на автобусе ехать, так что ли?» Сын быстро прошел в прихожую, чуть не наступив старухе на ногу, отчего она пошатнулась, едва удержав равновесие, уцепилась рукой за рукав сына. Он придержал ее, аккуратно отстранил от себя: «Спокойно! Только без рук! Вижу, как вы по мне наскучались». Видимо, весь заряд его колкостей иссяк, потому что в комнату он вошел уже с улыбкой. Не успев разуться, дядя Женя протопал по домотканой дорожке навстречу мне, протянул холодную, с мороза, руку. По всему видно было, что съездил он удачно, его переполняли эмоции, и не терпелось рассказать обо всем.

Сзади опять раздался голос матери:

– Женька, да ты бы хочь обувь снял... Сережка вчера полдня на коленках ползал, убирал дом. – Она по старинке называла свою квартиру «домом».

– Ты, мать, как репей привязываешься к людям, – он снял полусапожки прямо на половичке и унес в прихожую, – я сегодня добрый, это как пить дать...

Дядя Женя уже был в легком подпитии, дело нехитрое: у соседнего подъезда встретил брат с друзьями, вот и угостили путешественника, выпили за счастливое возвращение. Переодевшись в ванной, он первым делом прошелся по кастрюлькам на кухне, гремел крышками, явно был голоден. Бабушка вслед за ним прошла в тесную кухню, поставила разогревать суп. Он сел на табурет в ожидании завтрака, закинув ногу на ногу. Ему не терпелось рассказать о своей поездке, но мать не выказывала своего интереса к его путешествию, брэнчала посудой, суежилась над плитой, повернувшись к нему спиной. Рассматривая расцарапанную где-то в пути со вздувшимися венами руку, Евгений Степанович сам начал разговор.

– Между прочим, тебе, мать, огромный привет передают!

Она с удивлением повернулась к сыну.

– Кто? Я ж никого не знаю с твоей работы, разве от самого Сластилова, о котором ты даже во сне бормочешь...

– Бери выше. При чем тут Сластилов? – никак не мог уразуметь материной шулки дядя Женя. – Он, понятное дело, известное лицо, даже скажу больше – директор. Но он какава нам родня.

– Литвинова Женьку видел? – обрадовалась старушка, вспомнив про племянника.

– Да этого-то каждый день можно увидеть, сел на автобус, проехал пять остановок по городу – вот тебе и Литвиновы. – Дядя Женя совершенно запутал старушку своими намеками и решил ее больше не мучить. – От Ирки с Украины!

Баба Аня округлила счастливые свои глаза, для надежности переспрашивая:

– Ты у Иры был?

– А то где же я, по-твоему, прохладжался? Вот от внучки твоей привет.

– Ну, рассказывай, что томишь душу, – не терпелось старушке узнать о жизни родных. Нечасто забредали добрые вести в эту маленькую квартиру. И тут же спохватилась Анна Федоровна: – И ты, небось, с голыми руками туда приперся?

– Как же, мать, я к дочке с голыми руками попрусь, – обиделся сын, распушив свои крупные губы. – Прихватил с работы пару мешков добра всякого...

Красочно рассказал сын старушке о своем гостевании, что не посрамил он ее старость, не упал в грязь лицом перед родной кровью. Мне он пересказал об этой поездке уже более «приземленно». Начал издалека, с директора арматурного завода, с того самого Сластилова, имя которого он неоднократно шептал во сне, видимо, тогда уже настраивался на дальнюю поездку.

– Наш генеральный не дурак, далеко не дурак. Кому охота ехать в даль такую? Кто возьмет под свою ответственность такой груз? Там – тьму денег груз стоит! Сластилов подчиненным говорит: «Позвать ко мне экспедитора!» Те спрашивают: «Которого?» Генеральный рявкнул на них: «Вы что, не знаете, кто у нас самый надежный и ответственный? Ковригина ко мне!» Прихожу к нему на ковер. Говорит: «Поедешь на Украину!» Командировочные и все такое, как полагается. Я про себя уже считаю: три-четыре дня туда, три-четыре обратно, там пару-тройку дней...

Он закатил к подлобью свои глаза, глядя на потолок, изображал ход своей глубокой мысли.

– Говорю Сластилову: «Неплохо бы еще несколько деньков добавить на всякий случай, ведь дорога дальняя». Директор разрешил. А мне только того и надо. Уже через три дня я был у Ирки... Сначала заехали на завод, дела сделали. У-у-у, завод там такой гигант, я извиняюсь! И сразу к дочке!

Пока бабушка поднялась в гости к своей подруге на пятый этаж, дядя Женья успел сбежать в магазин «Жастар», что находился неподалеку. Рассказ обещал быть долгим, потому как Евгений Степанович только входил в раж. Сначала он пил за здоровье дочери, не преминул выпить за любимого зятя. А когда очередь дошла до внуков, он уже не мог вспомнить эту недавно пережитую радость без слез.

– К дочери приехал, в дверях стою, а от самого прет (с похмелья ведь). А бутылка у меня в кармане, как закон. Дочка стоит в дверях, а у самой аж коленки затряслись – не ждали. Свалился как снег на голову, стою. Она: «Папочкин, ты что ли?» – и кинулась мне на шею. Она меня всегда «Папочкин» зовет. А у меня руки заняты, стою у порога с мешками. Говорю: «Возьмите мешки поначалу». Пожалелись. Да мне ведь сразу вмазать надо. Вмазал. Зять – важный парень, солидный такой, любо-дорого поглядеть! Только подливает мне. А дочка рада не рада, вокруг меня выюном вертится: «Папочкин, я тебе вот это положу. Папочкин, вот душ, вот кровать со свежей простыней...» Как говорится: «Своя голова ближе к ...»

К чему ближе своя голова он так и не сказал, хотя я с интересом дожидался продолжения. Мысль его застряла где-то в пути, сбилась с придорожного шляха и крепко увязла на раскисшей обочине его украинских воспоминаний. Он шлепал губами в поисках нужного слова. Поплямкал губами, сухо плюнул, забыв, что хотел сказать. Вспомнив про то, что уже давно пора налить и выпить, он взбодрился, налил и выпил. После чего продолжал свою эпопею:

– А назавтра мы хотели куда-то ехать на мотоцикле. Ехать-то ехать, а носок-то нет. Нема. Мы трошки выпили, а потом еще трошки поддали, а потом напились,

аж голова твердая стала. Дочь мне говорит: «Что, папа, голова твердая?» Говорю: «Да! Теперь можно и без носок ехать!» И поехали...

Несколько часов продолжался поход и гостевание бабы Ани у подруги на пятом этаже. Этого времени вполне хватило дяде Жене, чтобы рассказать мне о своих приключениях, дойти до нужной кондиции и встретить старушку добрым храпом со своей лежанки. Во сне он улыбался и то и дело шептал имя своей дочки.

13

Декабрь перевалил за середину. Проснувшись утром раньше обычного, я услышал из кухни монотонное бурчание старушки. Казалось, что она с кем-то разговаривает, но, прислушавшись, я догадался, что баба Аня читает молитву. Всхлипывала, сквозь слезы просила о заступничестве Матушку Пресвятую Богородицу – только одна бумажная иконочка находилась за стеклом в буфете рядом с фотографиями внуков. Не об избытках земных просила она – куда уж там – одного просила у Заступницы: чтобы дети не спивались и дали ей остаток жизни дожить спокойно. О другом она и не мечтала, этим была бы сверх меры счастлива. Закончив молитву, баба Аня стала готовить завтрак, жарила картошку.

За завтраком рассказывала мне:

– Вчера, 18 декабря, были Саввы и Варвары, ночь обокрали. Сегодня – 19 декабря – Никола Зимний, а 22 – Солнцеворот: день – на лето, зима – на мороз. Раньше Саввами или Николаями называли мальчиков, рожденных в эти дни, девочек – Варварами.

Я убирал со стола, мыл посуду в раковине, а бабушка бросила в открытую форточку кусочек хлеба и мякоть тыковки, оставшуюся со вчерашнего дня после запекания в духовке, приговаривая:

– Выброшу в окно, пусть хоть воробышки потеряют...

На газу уже готовился обед – закипал бульон, с которого баба Аня поспешно собирала накипь в блюдечко. Убавила газ, заглядывая под доньшко кастрюли, долго не могла определить подслеповатыми глазами – не сильно ли убавила, спросила у меня:

– Тут не сильно горит?

Я заглянул под кастрюльку:

– Да можно еще убавить.

– Убавь, пусть пиликат мал мало и все...

Бульон потихоньку бурлил. Бабушка резала морковку и лук для заправки супа и рассказывала мне разные истории.

– Помню, у нас в поселке женщина жила. Сумасшедшая была. Прожила ровно сто лет. Другой раз радоваться надо, что Бог послал такую долгую жизнь. Да не в этом случае. Наташей звали ее, горемычную. Фамилию уже не припомню, у самой уже все в голове помешалось, черта с два вспомнишь глыбь такую... Все про эту Наташу знали в селе, но никто никогда ее дурочкой не назвал, уважали ее за преданность. От любви с ней такое дело стало. Шибко она по молодости парня одного любила, а родители взяли да против ейной воли отдали ее за другого. Сказать от себя, так скажу: вот я лично красивой не была, а молодой была, тоже любила. И девка та мне понятна. Занозу из пальца вытащишь, и то больно, а тут такое дело, – по дряблым щекам ее покатались слезы в два ручья, не то от терзаемого ею лука, не то от всколыхнувшего ее душу чувства. – Так она роди-

телям простить не могла своего первого кавалера, помешалась совсем. Подоила корову и вылила молоко под крыльцо, как воду из полового ведра. Врачи нагрязнули, определили: «тихое помешательство». Мужу дело такое не понравилось, и сообщил он об этом ее родителям. Забрал отец свою дочку домой, не поверил врачам. Но прежде чем Наташе в дом войти, расстелил отец на крыльце добрую шаль, так раньше проверяли помешанных. А та вытерла об нее ноги, как о половик или тряпку, и дальше пошла. Могла целыми днями стоять на одном месте пока ее не посадят или не переставят в другое. Любимый Наташи стал домой к ним приходить, но она на него не реагировала даже. Молчала себе и бредила. Сто лет прожила, без детей, в помешательстве. Бедная женщина.

Расчувствовалась, заплакала старушка. Лук тут был ни при чем. Наплакавшись, утерла кухонным полотенцем, оказавшимся тут же под рукой, лицо и ненадолго замолчала. Слышно было только, как, разрезая морковь, нож ударялся о старую, изрезанную до впадинки, деревянную досточку. Ее бы саму впору было пожалеть: кому хуже – той сумасшедшей женщине, прожившей в помешательстве свою жизнь, или бабе Ане, которая в здравом уме терпела издевательства родного сына и на глазах которой, деградируя, гибла вся ее семья. Есть у русских женщин удивительная черта – бесконечное терпение, когда и своего горя вздох, а еще и до чужого есть дело.

Сегодня хотелось выговориться бабе Ане. Рассказала она о своей казачьей родне.

– У деда моего фамилия была Литвинов, уважали его, величали только по имени-отчеству, потому как важный был человек и при деньгах, не то что мы сейчас, голь перекатная... Так по всей нашей окраине и навеличивали мово дедушку – Леонтий Егорыч! А за глаза, не знаю, по какой такой причине, звали его Мамай. Не то строгий был, как тот монгол, а не то еще какая причина на то была, но прозвище было у него – Мамай. И если от наших Батов подняться к Палатцам, где рудник был, так вот там у него была заимка. И звалась она не по имени и фамилии, а просто – Мамайка.

Я сидел рядом и помогал выбирать из картошки глазки, выказывая неподдельный интерес к деревенским историям. Мне всегда нравилось слушать старушек, память которых куда более точно воспроизводит детали прошлого, нежели память стариков. Вряд ли какой-нибудь старик вспомнит, что какого-нибудь 5 августа 1931 года жена была одета в ее любимое платье в горошек, с рюшечками и прочими красотами...

– Вот еще про лесника расскажу. Интересная история с ним случилась. Этот лесник никого на свете не боялся – ни медведя, ни браконьера. Где-то в лесу могилка была одного убиенного. Проезжал он однажды у того места. Как доехал до памятника, лошадь как захрапит ни с того ни с сего и в галоп бросилась, понесла его. Даже собака, которая всегда бегала сзади, на этот раз лошадь обогнала и припустила со всех ног, как перепуганная. Лесник потом рассказывал, что слышал позади себя, как будто кто-то за ним бежал в сапогах, громко притопывая. Конь доскакал до раздорожья и встал как вкопанный, дрожит, весь мокрый стал. Лесник до дома доехал и через некоторое время умер. Видать, смерть за ним гналась. А разве от нее ускачешь, куда там! – так просто, без лишних мудрствований, закончила Анна Федоровна очередной рассказ.

И еще припомнила:

– Вроде он и не совсем культурный рассказ, зато про полковника. Костик был у нас в деревне, рос маленький, шупленький, не больше нашего соседа по площадке. И за то прозвали его в селе «куричьей говяжкой». Надо ж было так пристегнуть человека ни за что ни про что. А он в армию ушел, выучился там, да еще и полковником стал. Приезжал в Баты в форме своей, идет, расфуфыренный весь, подогнано все на нем. А по деревне уже слух идет: «Куричья говяжка приехал, Куричья говяжка приехал!» Так вот бывает – брякнут люди что-нибудь а человек всю жизнь мучайся. Не помню, после того приезжал он в село или нет? А там вскорости и затопило нас всех.

Баба Аня выскребла ложкой до последней крохи зажарок в суп, налила две тарелки, себе и мне. Еще случай припомнила:

– Как-то раз ехали два водителя по проселку. Теметь уже была несусветная, хоть глаз выколи. Смотрят – бабка стоит посередь дороги. На тебе, откуда взялась-то в чистом поле? Им и невдомек, что бабка та непростая. Взяли с собой ее. Везут. До деревни там далеко еще, а она говорит, чтоб остановили машину. Они ей в ответ, мол, бабушка, куда вы, тут такая глухомань, жуткое раздорожье, и уговорили ее довезти до деревни. Высадили на какой-то улице, сделали свои дела и назад поехали. Сколько проехали – неизвестно, слышат, что-то бренчит впереди. Остановились, глядь, а там – икона Матушки Пресвятой Богородицы привязана к передку машины. Такое дело было. Сама не была свидетельницей, а вот люди достоверно рассказывали, не брехали, зачем людям брехать!

Она подлила мне добавки. Положила мозговую кость с мясом.

– Ты вчера-то косточку не глодал. Налегай, отведи душу, поглодай маленько.

14

Единственное занятие, которое меня привлекало в техникуме и на которое я ходил с огромным удовольствием, это был парашютный спорт. Вел секцию старый десантник, парашютист с огромным стажем и пятью или шестью тысячами прыжков с парашютом с разной высоты. Из одного только нашего техникума собиралось несколько десятков человек, желающих овладеть умением прыгать с парашютом. Тренер учил нас строго, рассказывал поучительные случаи из своей практики. Дважды у него не раскрывался парашют, один раз – на соревнованиях в Киеве. Он рассказывал, что, когда приземлился на запасном парашюте, долго сидел на каком-то камушке и курил, приходя в себя. Это был человек высокого роста, статный, сильный, на ногах он носил унты. Эти штрихи к его портрету только и остались в моей памяти, больше о нем ничего не могу вспомнить. Зато до сих пор помню, что парашют Д-5 сделан из авизента, помню, как внимательно перелистывали мы его и аккуратно укладывали в рюкзак. Отрабатывали прыжки на тренажерах. С нами тренировалось несколько девчонок.

Баба Аня на мое увлечение смотрела с опаской, переживала, что моя мама и ей, как она выразилась, «пропишет горчичник» за такого непоседу-квартиранта. А дядя Женя всячески поддерживал, даже зауважал меня за упорство:

– В жизни пригодится такое. В бездну шагнуть не каждый может. Переборешь страх – себя победишь. А значит, будешь человеком!

Наконец настал долгожданный день, когда нас повезли на первый прыжок за город, в поселок Ушановский. Я чувствовал волнение, но шагнул из самолета легко, и первый прыжок, как и третий, прошел гладко. Второй прыжок больше

запомнился: почему-то было страшнее. Вышагнул в свой черед за девочкой через три секунды. Все сделал спокойно, как на тренировке: посчитал 501, 502, 503, выдернул кольцо... Показалось, что парашют дольше раскрывался, чем в первый раз. Стал оглядывать под собой пространство. Вскоре меня окликнула девушка, что прыгнула передо мной. Было странным, что окликала она меня откуда-то сверху. Поднял голову и увидел, что стропы моего парашюта перекручены и потому купол раскрыт не до конца. Стал делать «ножницы» ногами, как учил нас наш тренер – горизонтально поднятые ноги резко сводить и разводить. Стropы раскрутились, и я благополучно приземлился, хотя уже начинался ветер. А девушка, летевшая за мной, при приземлении сломала ногу. Мы помогли ей добраться до машины.

Каждый мой прыжок дядя Женя принимал как очередную удачу и «набирался» по такому случаю изрядно. Тяжело ворочая языком, в один из таких дней он рассказал мне эпизод из своей молодости, как уходил в армию:

– В тот день я был пьяный в дулет и потому в морфлот не попал. Наша команда пошла в авиацию. А авиация – бардак. Бочки развозил в городе Лида. Запиши там у себя, что я служил в городе Лида. Это раньше польский город был, «пшеки» жили там...

Коротко рассказал и грузной походкой вдоль стены ушел к себе на диван. Во сне с кем-то переговаривался, не то уговаривая, не то поучая: «Будь человеком!» Шептал не совсем понятные слова: «Пшеки», «кацапы»...

15

В один из зимних вечеров в двери позвонили. Баба Аня впустила на порог невысокую тихую женщину.

– Ох, и разит от тебя, Валентина, прямо в нос шибает. Хучь бы разочек пришла трезвой...

Старшая дочь стояла на пороге, переминаясь с ноги на ногу, беззвучно, как привидение. Пару минут простояла и ушла так же беззвучно, словно существо из другого измерения. А утром прибежала внучка Ольга, внося с собой тревогу и шум: «Ба-а, там тетя Валя умерла. Вчера ночью легла прямо на полу, папка поднялся с утра, а она уже холодная...» Ольга плакала.

Пару суетливых дней прожили Ковригины, пока не исполнили последний обряд. Баба Аня не один раз доставала из-под матраца мелкий узелок с крохами денежных запасов, приготовленных на собственные похороны, вытаскивала из носового платочка мизерные свои накопления, делилась, пересчитывала и снова прятала свой «старушечий банк» под перину. В те дни я впервые увидел Олега, внука бабы Ани, сына умершей дочери Анны Федоровны. Он в действительности, как и рассказывали о нем его родственники, был высоченным, крепким парнем. Олег был спортсменом-лыжником. Отслужив в спортроте, он, придя из армии, «долго не болтался», как высказывалась о внуке его родная бабушка, а сразу же женился. Жил в районе железнодорожной станции «Защита», на окраине города. Олег был самостоятельным и произвел на меня хорошее впечатление. Все заботы о похоронах матери он взял на себя, сам организовывал, собирал родню, находил машину, чтобы привезти бабу Аню на поминки и увезти обратно.

На другой день после похорон дочери баба Аня припомнила сон, который ей привиделся незадолго до случившегося:

– Приснилось, будто иду я с Валею по старой нашей деревне, по Батам, по улице. Валька там вроде как совсем молоденькая, волос богатый у нее, но почему-то пучками выпадает. Вижу: простынь висит – вся в крови, а кровь – старая такая уже, запеченная. А живет в том доме Борис Чесноков. Выходит он и говорит: «Берите рыбу». И целый мешок судаков разных нам отдает. Я беру в руки рыбу, а она ломается прямо в руках. Я ему и говорю: «Рыба-то уже порченая». А он отвечает, что нет – нормальная еще. Я и говорю Вале: «Ты хоть простынь постирай ему за это». Нехороший сон. Плохой сон. И то, что Валька там была моложе своих лет, и эта кровь старая, нехорошая... А рыбу я всегда к болезни вижу. Врач мне тогда прямо так и сказал, что у меня «ишемия» какая-то. Я того доктора хорошо запомнила. В тот раз врачи мне всю руку исковыряли – вену распорили, вот эту... Столько крови выбежало, всю наволочку искровавила...

Вспоминая свою дочку-покойницу, которую «сломила пьянка», Анна Федоровна не забывала лишний раз подчеркнуть, что она была «аккуратистка, такая чистюля, что любо-дорого поглядеть на нее». Этим частенько она потакала внучку Лену, которая, не в пример матери, наплевательски относилась к своему внешнему виду.

Мелкая, суетливая, как лисенок, Ленка, с вечно заложенным носом, гундосо оправдывалась перед бабушкой на ее уместное замечание. Та запрещала ей давать носить подруге свой пуховик:

– Вещи свои беречь надо, и нечего раздавывать их!

Этой внучке, в отличие от Ольги и старшего брата Олега, несвойственна была серьезность и самостоятельность. Явно ее ожидало нелегкое и предсказуемое будущее, протекающее в русле ковригинской спивающейся родни. Именно это и беспокоило ее бабушку, которая иногда высказывала в сердцах:

– Правильно Олег бьет ее. Рано ей еще гулять! Ишь, г...о какое! Сейчас не то, что раньше...

16

Несколько дней баба Аня караулила таракана, который досаждал ей. Везде успевал вездесущий прусак. Стоило оставить носовой платочек на табурете, он забирался под него и сидел, словно дожидался момента, чтобы напугать бабушку. Успевал забраться между лекарствами, бегал по кровати и даже на столе. Никак не могла она с ним справиться, быстроногий был, уносился, увидев, что на него охотятся, стремительно забивался в какую-нибудь щель.

– Ей-богу, одолел меня этот прощелыга. Куда ни глянь, везде он. Никакого сладу нет с ним.

– А что, если он не один? – спрашивал я.

– Однако все это одно лицо. И до чего гадкое существо и наглое, только в ноздри да в уши не забирается. Хозяином себя чувствует уже в моем доме.

Страсть как любил этот самозванный «хозяин» бабушкины вещи. На что они ему сдались? Или им? Я, в отличие от бабы Ани, не обладал умением запоминать тараканов «в лицо». Однако же сочувствовал ей, хотя моих вещей они и не трогали. Стоило бабе Ане позабыть про своего усатого недруга, как он тут же возникал из ниоткуда, и это всегда было для нее неожиданностью. С утра она пожаловалась, что ей нездоровится.

– Плеснула себе какого-то настоя, выпила всего 20 капель. Теперь как пьяная хожу, он ведь на спирту. На поворотах заносить стало, а там, в коридоре, чуть не упала даже. Надо еще чего-нибудь выпить от головокружения.

Она подошла к табурету, на котором горой лежали лекарства, вытащила блестящую упаковку, вслед за которой выбежал давно знакомый прусак. Старушка тут же кинулась в погоню – хлобыстнула тапком о половик, но неудачно. Таракан бежал в мою сторону.

В азарте она вскрикнула, призвав меня на помощь:

– Сережа, убей врага!

Я ударил тряпкой, но таракан успел свернуть в сторону.

– Он быстрее меня, он ускользнул в щель!

Баба Аня размышляла вслух, глядя на крохотную щель под плинтусом:

– Стрихнину бы туда или хлорки хоть плеснуть в дыру... – Ее осенила другая мысль, более исполнимая, так как ни стрихнину, ни хлорки дома не было: – У меня где-то был пластилин. Найду его и запечатаю там таракана!

Нашла бабуля пластилин и запечатала таракана в его логове. Еще несколько раз он терзал бедную старушку своим появлением, но она снова находила его ходы и запечатывала их пластилином. А в один прекрасный день все-таки с хрустом размазала его по полу своим тапком.

Так закончились многодневные тараканьи вылазки, беганье и охота на «врага», снова наступило успокоение в размеренной жизни старушки. К тому же появилась новая причина сходить в гости к какой-нибудь подруге и рассказать о счастливом финале в тараканьей эпопее. Она накидывала шаль на плечи и отправлялась к Анне Николаевне, бывшей учительнице, живущей этажом выше. А так как та тоже редко спускалась со своего этажа на улицу по случаю зимней стужи и тяжести в ногах, то попросила бабу Аню о небольшой услуге.

– Анна Николаевна велела вытащить газету, – отчиталась передо мной старушка.

Спустившись к почтовым ящичкам, я быстро принес газету, для меня это не составляло особого труда. Благодарно улыбнувшись, баба Аня отправилась в путь.

Обычно после многочасовых посиделок у соседок, «подружек», говоря словами бабы Ани, она приносила множество всяких баек и анекдотов. На каждом этаже жили бабушки, а уж кто лучше бабушек может знать обстановку на своем этаже, на родной площадке! Анна Николаевна, отработавшая всю свою жизнь в школе, выделялась из всех соседок своей интеллигентностью, держала дистанцию, но и с ней у моей хозяйки находились общие темы. Баба Аня пришла в добром настроении, видно было, что отвела душу в разговоре. С порога начала:

– Вот тебе забыла еще случай рассказать... У Анны Николаевны вспомнила, так мы с ней от души посмеялись. Да мужичок у нас в Батах жил, звали Андрейка, фамилию, хоть убей, уже не вспомню. Этот Андрейка был выпивоха. Хотя жену имел... Славная была женщина, терпеливая до крайности, Антониной звали. Ребята у них были, не помню сколько, но были. Жили они в саманной избушке. Там избушонка была – одно название, сарайка, да и только. Он вроде и работал или там прирабатывал, но денег у них отродясь не водилось, все подчистую спускал через пьянку Андрейка. Только с голоду не пухли. Раз он поехал в соседнюю деревню на работу. Ну и, как водится, набрался он там до потери пульса. А он

не то объездчиком работал, не то еще кем, но всегда на коне верхом. А конь этот был у него приученный, как собака. Скажет ему: «Ляжь!» – ложится. «Встань!» – скажет, встает. Дорогу домой знал хорошо. Ну и, видимо, Андрейка совсем был в нетрезвом виде, что и не заметил, как его конь домой, в Баты, пришел. В общем, когда он глаза-то свои продрал, была уже ночь на дворе. Теметь несусветная, а время было прохладное, надо было к кому-то на ночевку проситься. Едет наш Андрейка по широкой Батинской улице, метится, куда бы ему приткнуться. Смотрит, домина добротный стоит, думает: «Нет, тут живут богато, в дом не пустят». Едет дальше: «Этот поменьше, но тоже рассчитывать не приходится». Видит – стоит избушонка простенькая: «Ага, думает, это в самый раз по мне!» Свистнул, крикнул. Выходит жена. Он же на нее еще и накинулся: «Ты это кого шляешься по чужим деревням?» А потом только сообразил, что в родной дом стучался.

Посмеялись. И тут же припомнился старушке еще один случай из прошлой, деревенской жизни.

– Жила у нас в поселке бабка Кулемиха. Вроде как и не шибко вредная была, но что-то из потустороннего она знала. Привораживала, отвораживала, лечила, гадала, одним словом, не из простых бабок была. И умерла, по рассказам, крепко помучившись. Похоронили ее. Проходит сколько-то времени, дело к вечеру. Ейная дочка, кулемихинская, ушла корову доить, а внучка ее сидит на табурете у зеркала, расчесывается деревянным гребнем, что от бабки остался. Открывается дверь, внучка оглядывается, а там ее родная бабка стоит, Кулемиха. И говорит внучке: «Ты уж расчеши и меня, внученька, а то я уж давно нечесаная». Внучка, естественно, опешила, встала со стула, посадила туда бабку свою и расчесывает. А сама как будто не в себе, ведь это в ум никак не укладывается – вроде как бабка померла и на тебе вот, сидит на табурете живехонькая. Расчесала ее хорошо, а тут мать забренчала ведрами в ограде. Дверь скрипнула, ветер ухнул. Входит мать с молоком, а дочка слова сказать не может. Ее спрашивают: «Что случилось с тобой?» А та как онемела, молчит. Потом по слогам от страха выговаривает: «Я тут бабушку сейчас расчесывала нашу». Мать, удивленная, смотрит на нее: «Быть не может!» – «Да ты в пороге должна была встретиться с ней». – «Никого я не видела. Это тебе показалось, наверное!» А в руках у дочки этот гребешок деревянный, а на нем седого бабушкиного волоса осталось сколько-то. «Вот, – говорит, – посмотри!» А они обе чернявые, и седого волоса ни у кого нет. Такие вот бывали раньше дела...

Добрая улыбка светилась на лице бабы Ани. Такой вот, в редком облаке седых волос она мне и запомнилась.

17

В марте крепко завьюживало. Бабушка, глядя в окно, вздыхала:

– Что делается на белом свете! Хотела постираться, а куда белишко вешать? Дверь на балкон не откроешь, выломает ветром. Разве ж я ее удержу. Не успела вчера постираться, так и думала, что погода зафентелит. А март-то как расхрибился! Еще и морозы вывалятся напоследок. Правильно говорится: марток – надевай семь порток.

Мутная была погода. Метель с размаха бросала в окна горсти снега. Баба Аня, почувствовав себя плохо, прилегла на свою кровать.

– Совсем что-то я расклеилась. В голове так и пуляет, так и пуляет. Опять, наверно, давление поднялось. Так нехорошо себя чувствую.

Она нащупала на столе градусник, сунула его под халат, подмышку. Через несколько минут вытащила и попросила меня глянуть.

– Совсем слепа, не разгляжу ничего. Столбика не вижу даже. Глянь, сколько там набралось.

– Так у Вас температура, баба Аня. Тридцать восемь с половиной.

– Самая такая противная температура! Всю ломать стало. Гляди-ко, зиму отгуляла, а весной уже свалилась.

Я принес бабушке воды. Анна Федоровна выпила лекарство. Но ее состояние ухудшалось. Я спустился на первый этаж к тете Зое, где находился телефон, и попросил ее вызвать скорую помощь. Широкая и округлая во всех своих частях тела, Зоя Ивановна была добродушной женщиной. Она пеклась о здоровье бабы Ани, не боялась ругнуть «Женьку» за его отношение к матери. Она тут же вызвала врача и попросила, чтобы я, в случае чего, без стеснения обращался к ней за помощью. «Скорая» минут через десять уже приехала. Врач измерил давление и стал прослушивать дыхание. Я сидел на кухне и слышал, как старушка, ударившись в слезы, перечисляла свои болезни: «Я гипертонией страдаю уже восемь лет, у меня – глаукома, и еще ишемическая навязалась... Шум невозможный, уши гудят, звенят. Температура чуть-чуть спала, а я горю вся, трясусь. У меня шум все время, каждый день! А лекарств не хватает. Раньше номер нашей аптеки был, однако, шестьдесят с чем-то... А сейчас не знаю, какой номер». Грипп, обнаруженный у бабы Ани доктором, временно утяжелил этот и без того весомый список болезней.

Только успела уехать «скорая», как в дверях показался припудренный снегом дядя Женья. Он был уставший и с порога сразу спросил:

– К нам, что ли, приезжали?

– Ага.

– Что новенького на этот раз?

– Все старенькое да еще грипп добавился.

– Этого добра еще не хватало.

Дядя Женья переключился на мать:

– Ты где, мать, его нашла? Вроде никуда не ходишь.

Из-под одеяла раздалось глухое:

– А я его и не искала. Сам привязался. Ты бы от меня отстал, и без тебя тошно, – слабо попросила старушка.

Мы сели ужинать. Дядя Женья вытащил бутылку водки, раскупорил. Делал все это он спокойно, зная, что матери сейчас не до него.

– До чего сегодня дурной день был. Устал как собака.

Он выпил. Вяло похлебал суп. Налил повторно и снова выпил.

– Видел, по телевизору нового генсека выбрали?

– Нет.

– Горбачев. На работе бабы говорят: «Ну и хорошо! Все старики были, а теперь молодой появился». А мне он не нравится. Обтекаемый какой-то, слова скользкие. Думаю, заведет он нас в тайгу. А потом молодость ведь еще не показатель порядочности.

– Поживем, увидим, – попытался я успокоить человека.

Но дядя Женья стоял на своем, хотя осторожничал в выражениях:

– И все равно мне кажется, что это не тот человек, за кого он себя выдает.

Долго не отпускал его тревожные мысли новый генеральный секретарь. В конце концов дядя Женя послал его к чертовой бабушке и перешел на другую тему.

Нередко он вспоминал свое непростое детство. Только эти воспоминания уравнивали и согревали его душу. Сквозь горечь полуголодной жизни светил издалека и не мерк таинственный свет детства. Припомнилось ему далекое:

– Вам не обрисовать, как я ходил в школу. Иду, а у меня сидор за плечами. Я шел в школу в пятьдесят девятом году. Директором школы у нас была Александра Прокопьевна. Мы с ее дочкой, Тамаркой, учились в одном классе. Мы тогда с Томкой еще пацанами были... Худая она, высокая, не Томка, а полтора метра сухой дранки. Я подсторожу Томку и набросаю ей снега за пазуху. Прокопьевна мне: «Бандит, иди сюда!» Она меня любила, собственно...

Как выяснилось этим вечером, та самая «Тамарка» из детства дяди Жени и есть директор школы, которую я только что окончил. Тамара Николаевна Галкина, высокая, очень строгая и требовательная женщина, которая держала в школе железную дисциплину; благодаря ей многие поступали в институты, а кто-то избегал тюрьмы. Ее имя мы произносили с придыханием, боясь попасть к ней «на ковер». А он ей снег за пазуху бросал! Вот так дела!

Дядя Женя был обрадован этому счастливому обстоятельству куда больше меня. Ведь для него в ее лице была благая весть из детства. Находка дорогого стоила, и грех было на месте дяди Жени не выпить за это открытие. Выпил и за здоровье Александры Прокопьевны. Добавил за Тamarу Николаевну и за ее детей, моих друзей, «за галчат». После тостов дядя Женя признался, что он «пьян, и челюсти у него жуют сами по себе, как чужие, сконструированные из железа».

В этот метельный мартовский вечер мы твердо решили на майские праздники ехать в Ново-Тимофеевку к моим родителям. И заодно зайти в гости к Галкиным.

18

На следующее утро, это было воскресенье, мне пришлось подняться раньше обычного. Дядя Женя гремел в кухне посудой, уронил табурет, громко кашлял в ванной. Усевшись на свой диван, он демонстративно громко вздыхал, тер друг о дружку жесткие ладони, чихнул. Послышался тяжелый вздох преждевременно пробудившейся старушки, раздался слабый больной голос:

– Ты, Женька, хоть бы не вошкался под боком, и так сну никакого нет.

– Ага, нет у них «сну», – ввязался в перепалку сын, – спят, как сурки. Вас не разбуди, так и до обеда дрыхнуть будете.

– Ты же знаешь, что я больна, голова кругом идет, – жаловалась старушка.

– Как не знать, уже сам чихать начал...

– Ты бы, Женька, хучь бы водички принес, таблетки запить.

Сын сходил на кухню, под быстрым напором набрал воды, принес и громко впечатал бокал к табурету. Вода, выплеснувшись через край, залила лекарства.

– На, пей!

Пока не разразилась буря, нужно было вставать. На старом будильнике, что стоял на столе, я рассмотрел в полумраке время: было двадцать минут восьмого. И действительно, на краткий миг я стал громоотводом.

– Спишь, боец! На ногах должен в такую пору быть, какой с тебя солдат! – выпалил он в меня молнию и успокоился.

Он стоял посреди сумеречной комнаты, белея майкой. Я раздвинул шторы, впусив солнечный свет. Метель улеглась. На улице сверкал свежесвыпавший снег. Лишь по дорогам и у подъездов соседнего дома видна была вязь свежих следов. У одного подъезда дворник неторопливо откидывал снег деревянной лопатой.

– Как в четыре проснулся, все брожу, не знаю куда себя деть. Побрился, в ванную ходил, суп сварил, а вы все спите. Поговорить не с кем.

Последняя фраза выдала его с головой. Он еще не отошел от нашего вечернего разговора, разбередившего душу. Потому и поднялся ни свет ни заря Евгений Степанович. Ему давно не терпелось продолжить разговор.

– Вчера у меня голова шибко твердая была. Еще во сне приснилось невесть что... Может, я чего-то перепутал. Так ты говоришь, что Тамарка – директор школы?

– Да! Тамара Николаевна Галкина – директор нашей школы, – подтвердил я. – А Александра Прокопьевна Парфенова – ее мать, живет вместе с ними. Мы живем рядышком, на соседних улицах, но огородами примыкаем друг к другу. Соседи, можно сказать, – снова растолмачивал я Евгению Степановичу.

– Так-так-так... – потянул дядя Женья, о чем-то крепко размышляя. В его голове, как в потревоженном улье, роились мысли. Собравшись, он продолжал расспросы: – Так ты говоришь, у нее двое пацанов?

– Двое. Старшего зовут Сашка, а младшего Серега. Сашка вымахал под два метра, моих двух обхватов не хватит, чтобы его обнять. А Сережка чуть пониже, сухопарый, весь в Тамару Николаевну пошел. Сашка окончил летное училище гражданской авиации, летчик. А Серега девятый класс заканчивает.

Отблеск далекого чужого счастья отразился на лице дяди Жени. Глаза отвлеченно смотрели в окно. И видел он в том окне не зимний пустынный городской пейзаж, а родное село, оживленное людьми, среди которых – его знакомая Тамарка и ее строгая мать. Александра Прокопьевна качает указательным пальцем, обращаясь к нему: «Смотри мне, бандит». Отрешенно, не замечая меня, смотрел Евгений Степанович в свое прошлое, возвращаясь мыслями к детству, к своему селу, что давно уже скрылось под водой Бухтармы, и улыбался нахлынувшим воспоминаниям во весь свой большой рот.

Я сидел молча, чтобы не сбить приятного впечатления, охватившего дядю Женью. Простуженный голос старушки из соседней комнаты вывел его из оцепенения.

– Женька, налей мне чаешко.

Лицо его мгновенно погасло, тенью упала на него печаль. Дядя Женья, одевшись, молча ушел за дверь. Ему нужно было побыть одному.

Я принес бабушке чаю. Она в белой ночной сорочке сидела на кровати, свесив ноги.

– А куда Женька подался? – спросила она.

– Не знаю...

Он появился только к обеду. Был слегка выпивший. В кармане пальто торчала бутылка вина. Раздевшись, он полез в шифоньер, достал оттуда самый лучший костюм, тот самый, что готовил себе на похороны. Оделся в него.

– Ну, как я, смотрюсь? – спросил он у меня.

Я оглядел его.

– Здорово! Адриано Челентано! – похвалил я Евгения Степановича. – Вот только на брюках что-то написано. Стереть надо.

На одной штанине красивым женским почерком было написано мелом почти во всю длину: «Ковригин».

– А! Точно! Это в ателье мне девчонки подрубали штаны, чтобы не спутать с чужим костюмом, запись оставили...

Он плюнул в ладонь и тут же стал оттирать мел. Дядя Женя был в хорошем настроении, шутил, от утренней грусти не осталось и следа.

Бабушка, увидев сына в добром одеянии, забеспокоилась:

– Куда это ты наострился?

– В баню! Там, говорят, сейчас только при наличии костюмов и пропускают, – сострил дядя Женя.

– Так сегодня же воскресенье. Женский день, – не поняла юмора старушка.

– Правильно. Я же заранее готовлюсь. Вот в четверг и пойду. Сережке тоже надо костюм подобрать, а то его не пустят...

Бабушка засмеялась, поняв, что сын ее разыгрывает. Он тоже разулыбался в ответ, выдав свои намерения:

– Как оттеплит, поеду в гости в Ново-Тимофеевку. Помнишь Александру Прокопьевну, директора школы в Батах? Дочку ее, которой я за пазуху снег бросал? Так вот, их хочу попроведать.

Бабушка тоже обрадовалась, узнав весть о своих земляках, долго о них расспрашивая. Пора была подкрепиться.

– Пусть бабка сперва поест. А то с утра не ела, – побеспокоился дядя Женя о матери.

Бабушка ела с аппетитом, несмотря на плохое самочувствие. Как поела, поблагодарила сына за суп, отпраповтовала:

– Я в супишке нашла капельный кусочек мяса, поделила его на троих. Один съела. Спасибо.

Пришел и наш черед пообедать. Дядя Женя разлил суп по тарелкам, нарезал хлеб. Не забыл про вино.

В тот воскресный день за разговорами наш обед затянулся до вечера и плавно перешел в ужин. Уже в сумерках Евгений Степанович раскладывал по пальцам своей левой руки, загибая их поочередно: «Я – человек (большой палец). И никого (указательный). Никогда (средний). Нигде (безымянный). Не оскорбил (мизинец)».

Много воспоминаний было из его детства. Одно из них про то, как он ловил воров в своем сарае.

– Увидел – фонарик, будто полоской света из стайки пробивается. Я туда нырк. Спрашиваю: «Вы кого стреляете в стайке-то?» А они цыпят молотят. Как пошли убегать от меня...

И до глубины души поразил меня еще один рассказ дяди Жени Ковригина.

– Как-то ходили мы пешком к Казнаковке за арбузами. Обьездчик поймал нас, отобрал арбузы и давай стегать бичом, – он замолчал. На глазах выступили слезы, чистые, как роса, проторили дорожки до самого подбородка. – Три раза стукнул меня по спине, у меня ноги и отнялись. Кого там, мальчонка, двенадцать лет. Отец встретил меня. Я ему спину показал. А он спрашивает: «За что?» Отвечаю: «За арбузы». Отец: «Ты их там сажил или оставлял? Никогда не бери чужого! Понял?» – «Понял».

И снова чистые слезы катились по проторенной дорожке к подбородку.

Наконец-то наступили Первомайские праздники. Заранее взяв билеты на автобус, мы с дядей Женей и моим одноклассником Сашкой Панкеевым отправились в Ново-Тимофеевку. По опасной дороге через перевал Умыш ехали мы. На перевале в логах еще лежал почерневший снег, несло прохладой, а за Пантелеймоновкой колонны тополей уже готовы были выпустить листья из набухающих почек. Возле Самарки все взгорья на припеках, быстро освободившиеся от снега, уже покрывались желтыми цветочками карагайника, местами розово-алым пламенем зацветали марьи-коренья, ослепляя отвыкшие за зиму от разноцветья глаза. В Самарке мы пересели на другой автобус, который делал небольшой крюк, заезжая в Палатцы. Мы уже здорово проголодались, и, пока стоял автобус, половина пассажиров устремилась за хлебом. О, это был особый хлеб! Визитная карточка этого села. Кто в ту пору не знал, что такое самарское пиво, бухтарминский сазан, палатинский хлеб! Из-за этого хлеба люди, имеющие собственное авто, наматывали лишних двадцать четыре километра, сворачивая с основной трассы. Булка высшего сорта стоила тридцать восемь копеек, была выше обычной чуть ли не в два раза, с боков корки свешивались зажаристые края. Еще славился каравай, который стоил пятьдесят копеек. Хлеб незабываемый! Мы купили булку высшего сорта и до следующего села ее съели. Дома нас уже ждали. Мама в тот день была на работе, а отец, придя на обед, нажарил полную сковороду рыбы. Я, пообедав, пошел заниматься своими делами, а отец угощал гостя, не забывая подливать в его пустевшую рюмку. Вечером пришла со смены мама. Она оживила затянувшиеся посиделки. И все же это был не тот гость, которого ублажают со всей щедростью.

Мама с деревенской простотой укоряла дядю Женю за бабу Аню, которую она любила и жалела за выпавшую ей тяжелую долю:

– Ты, наверно, совсем замучил тетю Нюсю.

– Она сама кого хочешь замучает, – уходил в сторону гость, улыбаясь во весь свой большой рот.

– Я бы на ее месте палкой тебя навозюкала, жеребца такого. С детства лупить тебя надо было, поважала тебя тетя Нюся на свою голову, – не унималась мама, добавив напоследок, – тронешь мать, попомни меня, Бог тебе не простит.

Коробило гостя такое обращение. Кому понравится в свои пятьдесят лет слушать, когда тебя отчитывают? Он бы и сам в жизни многое вернул и сделал по-другому, если бы можно было вернуть прошлое. С другой стороны, и моя мать была права, прекрасно зная, что за бедную тетю Нюсю некому заступиться. Но вряд ли ее заступничество могло помочь в этой ситуации.

Дяде Жене постелили постель на диване, и он быстро уснул на новом месте в ожидании утреннего похода в гости к Галкиным.

Спозаранок поднялся дядя Женя, убрал с дивана постель, вышел покурить на улицу. Родители были уже на ногах, на зорьке отогнав в стадо корову и телку. Гость курил, раскатиисто кашлял, гуляя по ограде. После завтрака он начал собираться в гости, собственно говоря, это и была главная цель визита дяди Жени в Ново-Тимофеевку – провести старых знакомых. Он попросил обувную щетку и начистил туфли до блеска. Оглядел и почистил свой «гробовой» костюм, с вечера висевший на спинке стула. Чистюля и аккуратист, тут уж не придерешься. Умел дядя Женя при скромной зарплате «одеться с иголочки». Надев костюм (галстук он принципиально не носил), гость подошел к трюмо, оглядел себя с ног до головы.

Оценив свой внешний вид на «отлично», дядя Женя перед дорожкой выдал свой очередной перл, один из многих, которыми он, не скупясь, сорил направо и налево. По свежим следам я его тут же записал. Звучал он так: «Спишь и бредишь этой работой. Заколебала в основном... Даже некогда костюм одеть – то пьешь, то спишь».

И мы отправились в гости к Галкиным.

Я сопровождал дядю Женю. В первый и последний раз он был в нашем селе. Верстах в двадцати отсюда находилось большое село, в котором когда-то он родился, а теперь оно покоилось на дне Бухтармы. С нами здоровались встречные, мои односельчане. Дядя Женя, расплывшись в улыбке, шел навстречу своему детству, предвкушая радость встречи. Так и получилось. Евгения Степановича встретили с распростертыми объятиями. Александра Прокопьевна, подготовленная заранее к появлению Ковригина, с порога обратилась к нему, как в детстве назвав «бандитом». Он растроганно смахнул навернувшуюся слезу и вошел в дом. Была выпивка, ибо Галкины хорошо знали, что гость крепко любит это дело. Была хорошая закуска. Воспоминания. Расспросы. Мы же с другом Сережкой Галкиным уехали кататься на мотоцикле. А когда приехали, то дядя Женя уже ушел.

На следующее утро мы вернулись в Усть-Каменогорск. Дядя Женя всю дорогу был угрюмый, неразговорчивый. Я же не лез к нему в душу с разговорами. Лишь дома, «на своей территории», он обмолвился в разговоре со мной, что в заповедный край детства лучше не возвращаться. Там слишком хорошо. А здесь – несравнимо плохо. К тому же ни в какое сравнение не шло его существование и жизнь его одноклассницы. У когда-то «худощавой дранящеины Тамарки» – дружная семья, хороший муж, взрослые дети и тут же стареющая мать в их уютном гнездышке. А он, некогда бравый самоуверенный парень, «расфуговал, прохохотал» свое счастье, глупо, по-мальчишески отказавшись от него. Пока он скитался «по тюрьмам, по ссылкам», детей, перебиваясь, вырастила жена. Мать, приютившая его в своей крохотной квартире, вынуждена терпеть издевки и притеснения сына. На фоне чужого благополучия острее прояснилось собственное убожество. Как говорится: «Рядом локоть, а не укусишь». Не вернуть прошлого. О многом передумал в те дни дядя Женя.

До полного краха оставалось немного, впереди уже ясно проступали контуры предстоящих катаклизмов, перемалывающих людские судьбы. Набирала обороты «перестройка».

20

В техникуме у меня по-прежнему дела шли плохо. А после одного неприятного случая я совершенно перестал посещать некоторые занятия.

Один из предметов в техникуме у нас вела худощавая женщина, ни имени, ни отчества ее я не помню. Все говорили, что она – бывшая спортсменка, гимнастка. Мне же она казалась резкой, вспыльчивой и совершенно неуравновешенной женщиной. Мы, конечно, тоже были не подарками. И вот, на одном из ее уроков, когда она вышла из кабинета, я неправильно соединил приборы, один из которых тут же сгорел. Злого умысла у меня не было, я просто ничего не понимал в электричестве. Задвинув прибор своим дипломатом (тогда была мода носить портфели-дипломаты, их непросто было «достать» в магазине), я списал показания у соседей по парте. Учительница вошла в класс и стала проверять измерения. Когда она дошла до меня и посмотрела мои показания, то решила их сверить с

показаниями прибора. Она отодвинула дипломат, и перед ее глазами предстал задымленный прибор, который совершенно не работал. Не управляя собой, женщина мгновенно вцепилась рукой в мои волосы на затылке, обозвав меня. Моя реакция тоже была мгновенной и неожиданной для меня самого. Я выдернул рукою из своего загривка ее кулачок вместе с пучком волос. Она отстранилась от меня на почтительное расстояние и сказала, чтобы я больше не появлялся на ее уроках. Я демонстративно сгреб все свои ручки и тетради со стола в свой дипломат и больше на ее занятия не ходил.

Вскоре из деревни приехала моя мать. Она решила сама расспросить о моей успеваемости в техникуме. Естественно, ничего утешительного ей там не сказали. А на запрещенный к посещению учителем предмет разрешили ходить, но с одним условием, чтобы я починил сожженный мной прибор. Я отправился на завод приборов и сдал в ремонт испорченную мной вещь. Но события стали развиваться так стремительно, что в их черед об этом предмете я совершенно забыл.

Для таких, как я, учеников самым лучшим выходом было уйти в армию, поразмыслить в экстремальных условиях о смысле жизни, чтобы начать все заново. Шел весенний призыв. В мае я проводил в армию своего одноклассника Журагатова Самата, который тоже учился в нашем техникуме. А мне нужно было ждать осени, когда мне исполнится 18 лет. Учебу в техникуме я решил забросить окончательно. И в один из майских дней, собрав свои скромные пожитки, я попрощался с бабой Аней и дядей Женей и уехал в родное село. Там я устроился на работу слесарем котельной, где и проработал несколько месяцев. Осенью из Усть-Каменогорска позвонил дядя Женя. Он сказал, что на мое имя пришла повестка о призыве в армию на 14 ноября. Взяв с собой рюкзак с едой, я отправился в город. Переночевал, как обычно, у бабы Ани. Дядя Женя через знакомых уже знал, что моя команда идет в Гвардейск, на юг Казахстана, который всем известен как Отар. Весь вечер он подкармливал меня домашней пищей, приговаривая, что скоро «отойдет коту масленка». И напутствовал меня в дорогу словами: «У меня есть одно пожелание – будь человеком! А человеком можно оставаться и на зоне, и в армии. Главное – быть человеком». Дядя Женя, не скрывая волнения, переживал за меня. 14 ноября утром он разбудил меня перед выходом на работу и пожелал хорошей службы. Ближе к обеду я отправился в техникум к одноклассникам, чтобы те проводили меня в армию. Они тут же нашли в техникуме парня, который служил в Отаре, подвели меня к нему, чтобы тот сказал мне пару слов о службе. Парень с непонятным мне сожалением оглядел меня, молча и многозначительно, и произнес фразу, давно ставшую армейским фольклором: «Всем, кто прошел Отарский ад, тому не страшен Бухенвальд!» Дрожь пробежала по телу от этих слов, хотя я тогда даже и представить не мог себе, что такое Отар. Паренек все же нашел утешительные слова: «Не ты первый, не ты последний!»

Получив полезные напутствия от товарищей, я зашел на квартиру, взял рюкзак и попрощался с бабой Аней. К военкомату, облепленному со всех сторон людьми, меня провожал всего один человек. Молодежь гроздьями висела на железных решетках забора. Стоял визг девчонок, горланили парни, старающиеся докричаться до своих, перекрикивая не менее горластых соседей. Поддавшись общему шумному вихрю, и мой провожатый зашелся зычным криком, по слогам чеканя мое имя и напутствия. Я шел в незнакомой толпе, вспоминая слова того парня, отслужившего в Отаре: «Не ты первый, не ты последний!»

Во второй половине ноября 1987 года я вернулся из армии. Это время запомнилось устькаменогорцам тем, что был надолго закрыт мост через реку Ульбу из-за образовавшейся трещины. Транспортное сообщение в городе долгое время оставалось напряженным – приходилось делать большой крюк, въезжая в другую часть города через небольшой мост у Бабкиной Мельницы, либо идти пешком через пешеходный мост, соединяющий улицу Солнечную и набережную Красных Горных Орлов. И на этот, второй путь, зачастую уходило меньше времени, чем на объездной автобусный маршрут. Мне повезло: мост закрыли на другой день после моего приезда из армии, и я успел проехать по нему на автобусе в сторону Самарки, что находилась в полутора сотнях километров от Усть-Каменогорска. В Самарке, которая в то время была нашим районным центром, я пересел, а вернее сказать, в последний момент успел запрыгнуть на самый последний автобус, уходящий в Ново-Тимофеевку. Так я оказался дома.

Момент «дембельского» возвращения домой – одно из самых светлых воспоминаний в жизни. Однако вскоре нужно было решать, что мне делать «на гражданке». С корочками механика-водителя мне можно было податься на север к брату и устроиться там на какой-нибудь тягач, зашибая деньгу. Был вариант – выучиться на водителя и опять же отправиться к брату, в Якутию. Но я четко знал, что к технике душа у меня никогда не лежала, а то, что в армии пришлось ездить на «Шилке», так там меня никто и не спрашивал – хочешь ты или нет садиться за рычаги. И поэтому у меня начались бесконечные бессонные ночи в раздумьях о дальнейшем жизненном пути. Хотел было восстановиться в энергетическом техникуме, но вовремя опомнился – это не мое! Забрал свои документы и пришел на автовокзал, чтобы взять билет. Тут мне и повстречался Бекбулат, мой добрый друг, с которым мы служили в одном полку. Он посоветовал мне поступать в педагогический институт, куда он уже подал свои документы. Я решил последовать его совету. Осталось выбрать факультет. Физкультурный или филологический? Выбрал второй. А спортом стал заниматься в свободное время. О своем выборе я никогда не жалел и каждый раз добрым словом вспоминаю своего друга, повстречавшегося мне на пути. Вскоре мне назначили экзамены, я написал диктант, пропустив одну запятую, и был зачислен на подготовительные курсы в пединститут.

Та первая моя зима после возвращения из армии запомнилась крепкими морозами. Местами по области давило до пятидесяти градусов. Я приехал в город по-сибирски тепло одетым: в унтах, жаркой ангорской кофте, в искусственной шубе, в которых тогда ходило большинство, на голове – кроличья шапка. И, конечно же, я снова пришел на квартиру к бабе Ане, которая встретила меня как родного внука. Обрадовалась до слез. Она не скрывала своей радости и связывала со мной некоторые надежды на то, что «Женька» немного успокоится и не будет ее притеснять. В квартире совершенно ничего не изменилось, разве лекарств на табурете и столе стало больше. Да в буфете среди фотографий внуков добавилась моя фотокарточка, которую я прислал им со службы. И еще у дяди Жени появился недорогой микрокассетный магнитофон «Электроника». Моя кровать стояла в том же углу и застелена была тем же стареньким покрывалом. Все было знакомым и мне не нужно было обживаться – я вернулся домой.

Баба Аня суетилась у плиты, разогревая мне суп. Походя успевала жаловаться на сына:

– Замордовал, замордовал меня окончательно Женька. Закладывать за воротник стал много, накеросинится и выступать начинает, в телевизор фиги кажет прямо под нос Горбачу. Пленум какой-нибудь идет, а Женька подойдет и прямо на плешь ему плюет. Весь телевизор заплывал. Спросишь его что-нибудь, а в ответ: «Гау-гав». Отлает и уйдет. Совсем взбесился. А мне нельзя расстраиваться, а он разве понимает! Доктор давича приехал, говорит: «У Вас, бабушка, ишамийка». Черте што навыписывал, а что это значит энта «ишамийка» – ума не приложу. Да еще и глаукому обнаружил, совсем слепая стала.

Я, как мог, успокоил ее. Она торопилась наговориться, ведь скоро должен был прийти с работы сын.

– Он же не даст поговорить с тобой, отнимет тебя. Видел бы ты, как он тут тебя дожидался. Особенно когда письмо твое пришло. Вытащил твою фотокарточку, не налюбуется, говорит: «А наш Сережка стал бравым солдатом». Вечером напился по такому случаю пьяным-пьяно, даже слезу пустил. С неделю твою фотокарточку в грудном кармане таскал, на работе хвалился всем да тут во дворе: «Это мой сын!» Присвоил тебя. Каждый день ждет, что ты появишься.

Еще поведала мне бабушка, что отыскал дядю Женю его сын Юра, который, как оказалось, мой ровесник, и тоже прислал из армии фотографию. Я поднялся к буфету и стал рассматривать его фото. Там, за стеклом, мы стояли рядом, два солдата. Это был улыбающийся красавец с черными, воронеными волосами, он, как и его отец, служил в авиации. Вскоре послышался настойчивый знакомый стук, я пошел открывать дверь. Дядя Женя, ступив через порог, оценивающе оглядел меня, улыбнулся во весь свой большой рот и прижал меня к груди. Он был абсолютно трезв.

Мы, как и раньше, уселись за нашим небольшим столом и разговорились. Но сначала разговор не клеился, о многом хотелось узнать сразу, эмоции переполняли нас обоих. Все стало на свое место, когда дядя Женя, как бы опомнившись, вынул из-за стола припрятанную бутылку вермута.

– Я вот на такой случай притарил немного, – он достал два бокала, что само по себе говорило о том, что я в его глазах явно вырос и могу себе позволить выпивку. Однако я от нее отказался. Дядю Женю это нисколько не смутило. Он налил себе почти до краев стакана.

Потом он долго и подробно выпрашивал у меня со знанием дела про службу в армии, проявляя ко всему неподдельный интерес. В конце концов, когда уже закончился вермут, а его явно не хватило, дядька в возбужденном состоянии все свел к тому, что не помешал бы автомат.

– Зачем он вам? – поинтересовался я.

– Да есть тут на примете один «добрый» человек. Давно за ним охочусь. Только он к нам в город нос не кажет.

– Кто же это?

Он меня заинтриговал, и мне не терпелось узнать о предмете разговора.

– Да ты его тоже знаешь.

– А все-таки?

– Иудушка Горбачев. Правильно в народе говорится: «Бог шельму метит». Я бы его прямо в плешь! Не промахнулся. Он к нам и не едет, меня боится. Да тут много охотников найдется.

– Чем же он вам так насолил? – спрашиваю.

– А ты глянь, что он со страной сделал за каких-то пару лет! Страна вошла в штопор. Кругом, куда ни посмотри, – натворил дел. А этот «сухой закон» что значит? Вырубает виноград, который десятки лет растили. Это же вредительство! Какая там борьба с пьянством! Это же борьба с собственным народом! Я вот эту бутылку вермута у друга выпросил. Я же не могу сутками стоять возле магазина в очереди, ведь я целый день на работе! Лысому-то все по боку. Говорит-то вроде и правильно, но скользко... А на деле выходит совсем обратное. Мягко стелет да жестко спать!

На вопли сына к нам направились баба Аня:

– Ты опять развыступался! На кой черт он тебе сдался, этот Горбачев? Паренька измучил своими проповедями.

Дядя Женя остыл. Правильно меня предупреждала баба Аня, что при всяком удобном случае, особенно в подпитии, дядя Женя готов в порошок стереть организатора перестройки, а имя его он произносит со скрежетом зубным. Эта тема станет на долгие годы доминирующей в этой маленькой квартире и во дворах. Я был тогда молод, и многие вещи воспринимал иначе, хотя со многими высказываниями дяди Жени соглашался. В нем говорил горький жизненный опыт. А мы, молодые, слушали песни Цоя: «Мир ждет перемен». И мы их ждали, этих перемен. Но мы ждали других перемен!

22

С утра я пешком пересек несколько кварталов, прежде чем оказался в здании подготовительных курсов. Это двухэтажное кирпичное здание с высокими потолками находилось на улице Ворошилова. В десятке метров от здания проходит трамвайная линия, и потому сквозь дребезжащие стекла хорошо слышатся проходящие трамваи. Всего на курсах – человек пятьдесят. В нашей, гуманитарной группе – историков, филологов и будущих преподавателей иностранных языков – десять человек. Они вместе проучились уже два месяца и хорошо знали друг друга. Практически все были ровесниками, кроме «историка» Витали и «иностранца» Саши Савельева, которые были старше нас на шесть лет. По странному стечению обстоятельств, одного из них – Виталия – тут же окрестили «пенсией». Александр был спокойным, интеллигентным парнем, никогда и ни с кем не конфликтовал. Другое дело – Виталий. Его облик и его поведение были несколько странноватыми. Он носил пышную, как у льва, гриву волос, слушал Гребенщикова, которого мы не понимали, и любил поспорить с учителями. Беззлобно, с какой-то наивностью он оспаривал все, что можно было оспорить, доводя учителей до точки кипения. И поэтому, зная такие редкостные особенности нашего «пенсионера», на зачетах и экзаменах в институте его старались вперед не пропускать, потому что после него было сложно получить хорошую оценку.

Я стал «слушателем подготовительных курсов» – так было записано в билете, выданном на мое имя.

Оказалось, что я приехал на неделю раньше положенного срока. Энергия была во мне ключом, мне хотелось учиться.

В нашем учебном классе стоял шкаф, но вешалка была сломана, и поэтому шубы все складывали на последнюю парту. Увидев такую бесхозность, я на завтра же принес нужные инструменты и отремонтировал шкаф, куда мы и стали

вешать свою верхнюю одежду. А еще через пару недель я выпросил у дяди Жени магнитофон, он как раз помещался в мой дипломат. Я принес его в группу, и мы слушали его в перерывах между занятиями.

Этот магнитофон – тема особая. Нужно вспомнить, что в то время даже такая незначительная вещь была не всем доступна. Тут дядя Женя явно «разжился», приобретя этот предмет, отступив от своего давнего лозунга: «Все, что на мне – мое, все, что не на мне – не мое». С магнитофоном он обращался очень аккуратно, даже трепетно, и я бы не осмелился его попросить, если бы этому не предшествовала небольшая история, после которой Евгений Степанович не смог мне отказать в моей просьбе.

Накануне дядя Женя, как обычно, с друзьями шастал во дворе в поисках спиртного. «Сухой» закон был в самом разгаре, и бедные мужички нигде не могли разжиться спиртным. Ближе к обеду Евгений Степанович появился на квартире вместе со своим товарищем. Я готовил уроки. Баба Аня была у соседки. А дядя Женя был в столь позднюю пору еще трезв. А выпить хотелось. Он и облюбовал стоящий на тумбочке возле телевизора мой одеколон. Там стояло два флакона: крупный пузатый бутылек чешского одеколona, привезенного мной из армии, и плоский флакон «Спортклуб». Это был, как казалось дяде Жене в то воскресенье, единственный выход. И я, скрепя сердце, согласился на пожертвование. «Спортклуб» был подарком брата, и его я оставил себе, а чешский «Фараон» был пущен не по назначению. Нужно было видеть процедуру поглощения этой жидкости! Разлили ниточную струйку по бокалам, выпили, поморщились, не забыли предварить тостом, по традиции вспомнив Горбачева: «Чтоб он сдох!» Голку с этого одеколona не было, только губы обожгли. Проглестировали и дали напитку свою оценку: «Дрянь! Где-то между лимонадом и пивом». Даром пропал мой одеколон. Выходя из квартиры, мужики столкнулись в дверях нос к носу с бабой Аней, обдали ее пряным запахом.

– Вот надухарились-то, ажно глаза режет. Опять парнишонку разорили.

Баба Аня присела на табурет возле меня, ругая «Женьку»: «Вот разоритель, вот разоритель. Навязался же на мою голову!» Ей нужно было отдышаться от ходьбы на пятый этаж, к «подружке». И вообще, в этот день она чувствовала себя неважно.

– То ли спустилось давление, то ли поднялось. То ли поела таблетки, да оно и взлетело, а то ли с них же спустилось до невозможности. Разве угадаешь? Вот и подумай.

Таблетки бабушка ела горстями, и ее подозрения могли иметь под собой почву. Она с легкостью могла переусердствовать с лекарствами и «сдвинуть» давление в одну из сторон. Но возможно и то, что подъем на пятый этаж, а затем и спуск обратно во второй дал такой результат.

Она отдышалась, тяжело встала, опираясь о стенку:

– Пойду, глотну еще таблеток, – заулыбалась добродушно, – может, отрегулирую давление.

Она ушла в комнату, где долго шелестела лекарствами, надеясь привести в норму движение своей крови. Слышно было, как она выщелкнула несколько таблеток и подалась в кухню с пустым бокалом за водой.

Проделав обычную процедуру, поинтересовалась:

– Ты в центре был, не видел, мост ремонтируют или нет?

– Да вроде бы что-то делают...

– Копаются. Вот по телевизору диктор рассказывал, что в Японии мост построили – аж десять километров! А у нас сто метров мост через Ульбу не могут сделать. Хоть бы к июню сделали... А сколько сейчас времени? – поинтересовалась у меня баба Аня.

– Уже без десяти час. Пора обедать.

– Вот это ты правильно заметил. А то скоро фильм хороший будет. Вчера должно было быть «В мире животных», а я не посмотрела. Так люблю ее слушать. Вот есть такие колючие или косматые червяки, так их ни одна птица не ест, кроме кукушки.

Да, это была ценная информация к нашему небольшому застолью. Пообедав, баба Аня ушла смотреть фильм, а я остался в кухне дочитывать книгу, что задали по литературе.

23

– Прочитать весь марксизм-ленинизм... Такую дрянь! У! Читать ненавижу вообще! Как ты их читаешь, эти книги? Она же толщиной с булку хлеба! – возмущенно ходил вокруг меня дядя Женья.

Я отложил в сторону свой любимый «Тихий Дон». Человеку нужно было выговориться.

– Нет, я не против чтения. Нужно, чтоб в голове что-то оставалось. Это же не чемодан, чтоб пихать туда, что ни попадя... Столько пустозвонов наплодили У нас на работе тоже имеются такие. Элементарных вещей не может сделать, а должность занимает. Я со своими пятью классами образования больше его в этом деле смыслю. Одного зажал в его кабинете, а он страшно меня боится за мою прямоту, и припер его к стенке: «Грамотей, а почему ты не можешь доказать? Крутишься на кресле...»

– Так вас и с работы погонят. За прямоту.

– Не думаю. Они же все тащат с завода почем зря, а я все вижу, кто куда тащит. Я про них буквально все знаю. Мне полтора года осталось до пенсии. Я-то выдержу, а вот выдержит ли арматурный завод, вот этого я не знаю.

Евгений Степанович стоял в задумчивости у окна. Он повернулся ко мне, одержимый идеей спасения страны:

– Нужно вернуть стране все, что принадлежит нам по праву. Чехи Колчака сдали, а сами золото по рюкзакам распихали. Приехали домой из плена с мешками золота! Вот бы кто меня в такой плен посадил! Оно же нашему народу должно принадлежать. А сколько того золота по миру скитается... В Японии, в Англии, в Америке... Почему им не предъявят свои счета?

Я никогда не видел, чтобы Евгений Степанович что-то читал. Иногда он брал в руки газету и просматривал программу телепередач на неделю, отмечая карандашом стоящие его внимания фильмы. Книг он никогда в руки не брал, разве чтоб посмотреть картинки или в пятерне своей, как в чашке весов, определить тяжесть иного тома. Разнообразной информации он знал много и на все имел свое независимое суждение, основанное на логике. Он любил, чтобы в его голове, как и в жизни, говоря простым языком, все было расставлено по полочкам и имело свои четкие очертания. Как и все его поколение, он рассчитывал только на свои, человеческие силы и не уповал на Бога. Думами о сверхъестественном

он себя не мучил. Экстрасенсы вызывали у него чувство брезгливости. Увидев очередной сеанс Чумака, словно бичом стеганул, выпалил в сторону телевизора: «Но чудотворцы...» Однажды я все-таки решил выпытать у дяди Жени, что он думает на эту тему.

– А что вы думаете насчет Бога?

Начал он издали, но позицию свою высказал предельно ясно:

– Говорят, мы от обезьяны произошли. Обезьяна как прыгала, так и прыгает. Нечего валить с больной головы на здоровую. Это у них не прокатило: обдурить всю публику. Есть у нас отдельные экземпляры, похожие собой на какое-нибудь существо. Вот, скажем, на металлобазе одна бабенка сидит, шлепает на машинке только так, дрянь такая. Широкобокая, там такой тендер! Если положить ее набок и подпустить поросят, никто шибко не расстроится, потому что разницы не заметит, примут ее за родную им мать. А с приматом шибко завернул этот Дарвин, или кто там? Энгельс или Маркс? Который из них? Ну, шибко уж перегнули палку, соврали, не подумавши. Или, наоборот, шибко хорошо подумали, чтоб уж прямое равенство провести между каким-нибудь народом и скотиною, хрюкайте себе на здоровье! Прыгайте себе в удовольствие! Может, они о своей прямой родне такое писали, так это ж их собственное горе, чего же навязывать это всем нормальным людям!

Начало было серьезным и обещало продолжение – я заметил, как он нервно стал закручивать «козью ножку». Прикурил и продолжил:

– Вот ты говоришь насчет Бога... Ну, вроде проповедуют не убивать – это хорошо. Но вот с другой стороны, вся эта байга, война зачем? Выходит, его нет. Человек есть человек, при чем здесь бог? Заколебали своими богами! То кришнаиты босоногие шорохаются по асфальту, думаешь, индийцы, а то наши, ряженные или полусумасшедшие отплясывают. Или вон «Белые братья», или какая-то там «Мария Дэви Христос». Какие они мне братья! Какие тут боги! Много таких! Это все нам уши терут. Есть голова, что мозга твои творят, то и делай. Пусть все дергают отсюда. Не Союз, а кино!

Мы еще долго разговаривали в тот день. Со многими вещами, сказанными незамысловато и прямо этим простым человеком, я был полностью согласен. Меня подкупало его неравнодушие и переживание за судьбу родного отечества, стоящего на краю бездны.

– За страну обидно, за народ. Четвертовали нас, а мы ушами прохлопали, проглядели. И ничего сделать не смогли. Нарезали границ и теперь стравливают друг с другом. Да еще на богатых и бедных делят. Кто при кормушке, тот и тащит. Тот и вор. А где простому народу разжиться? Кому он нужен? То ли наш генерал Сластилов упрет с работы, то ли я? Кто мне даст? Полный карман гаек набрать разве что? Но зачем они мне, да и не привык я тащить. Охота, чтобы почестному все было! А то водят нас за нос, придумывают всякие «ваучеры», «приватизации». Специально такие словечки помутнее да непонятнее вытаскивают на свет, чтобы с толку сбить. Все в глазки заглядывают этому Западу, а что туда смотреть? Вий он! Мягко стелют да жестко спать. К пропасти подводят. Слышал я где-то: «Судите не по словам их, а по делам». Значится, если так разобраться, дела-то их преступные. Все эти горбачевы, ельцины, яковлевы, чубайсы и прочая нечисть – самые натуральные враги народа. Все это чужаки. Даже больше скажу: к нашему народу они никакого отношения не имеют. Вот почему они без

засрения совести режут по-живому. Чужого не жалко. Проще сказать – нерусская власть, сатанинская. Это я теперь железно знаю. Хотя и среди русских тоже всякого барахла хватает. Но даже самый распоследний русский так не сможет. Тут умышленное надругательство. Мсть!

Мне тогда многое еще было непонятным из того, что говорил этот простой русский мужик. Но время подтвердило его слова.

Дядя Женья, удрученный своими догадками, отводил печальное лицо в сторону, пытаясь не встречаться со мной глазами, словно в том, что произошло со страной, есть и его вина.

– Я-то за себя не переживаю. Мне-то что, я всякого в жизни повидал. Мы с бабкой как-нибудь проживем. Может, и вы еще протянете. А вот как мой внук жить будет? Что внукам нашим уготовлено? Вот что меня беспокоит!

24

Учиться на подкурсах пединститута мне нравилось. К нам, бывшим солдатам, коих на занятиях было большинство, относились с уважением и пониманием. Но не только это мне нравилось в институте. После школы это было уже третье заведение, в котором мне довелось учиться, и потому мне было с чем сравнивать. Уровень отношений, уровень преподавателей и, конечно же, слушатели, а затем и студенты института в своем большинстве поступали сюда по собственному желанию, а не по остаточному принципу – куда возьмут. К тому же учиться было интересно. В то время кроме учебы я успевал ходить на спортивные секции, посещал литературную студию Курдакова, где узнал основы стихосложения и получил представление о том, что есть настоящая поэзия. И, конечно же, мы не пропускали ни одного нового фильма в кинотеатрах. Был период, когда я спал всего по два часа в сутки. В то время я записывал в тетрадку день и время, отведенное на сон. День начинался, как и в армии, с физической подготовки – я делал пробежку возле реки Ульбы. Мылся, брился, завтракал и минут за сорок выходил на учебу. Возвращаясь с подкурсов, я позволял себе короткий сон от пятнадцати до тридцати минут. Однако вскоре этот режим меня вымотал окончательно. И я вернулся к обычному распорядку со сном в семь-восемь часов.

Примерно через месяц после моего приезда в Усть-Каменогорск произошло одно событие, которое могло весьма дорого мне обойтись. При другом стечении обстоятельств на моей учебе можно было смело поставить крест.

Был конец февраля. Втроем с одноклассниками Саматом Журагатовым и Саней Панкеевым мы решили совместить два праздника – день рождения Самата и День Советской армии и военно-морского флота и отметить их. На троих мы распили бутылку вина. Самат играл на гитаре. На улице стоял хороший вечер. Саня должен был в этот вечер встречать родню. А мы вдвоем с Саматом решили прогуляться по городу. Уже в процессе гуляния возникла идея завернуть к женскому общежитию энергетического техникума. Прошло всего несколько минут с той поры, как я бросил снежок в окно, и мы стояли, дожидаясь одnogруппницу Самата. Но вместо девушки вышла вахтерша, обозвала нас «алкашами» и «хулиганами» и пообещала нам вызвать милицию. Это был человек дела, который слов на ветер не бросал. Уже через парочку минут мы ехали в тесном уголке милицейского УАЗика. Нас закрыли снаружи железным засовом, и мы поглядывали на мир сквозь решетку задней дверцы. В вытрезвителе на улице Стахановской

куда нас доставили, мы «были самые трезвые из всех пьющих» – так я оценил наше состояние. Мы прошли осмотр и все нужные процедуры с приседаниями и попаданиями вслепую в собственный нос указательным пальцем. Книжечку слушателя подготовительного отделения педагогического института я успел спрятать. Именинник же оказался не таким расторопным, и его фамилия была занесена в протокол. Мне поверили на слово, что я учусь тоже в энергетическом техникуме в группе ЭРГЭТ-2Б, и это подтвердил мой друг. Хотя пришлось мне тогда повыкручиваться, как карасю на сковородке. Самат, как организатор своих праздничных именин, взял на себя основную ношу нашего «преступления». Мне до сих пор смешно, когда я вспоминаю тот эпизод: день рождения, бутылка вина на троих, снежок, брошенный в окно общежития, злющая вахтерша, решетка милицейского УАЗика, вытрезвитель. У нас забрали все вещи, оставив нас в одних трусах, завели в просторную серую комнату, где стояло семь-восемь кроватей. Две из них были свободны. Сумасшедшим, раздражающим светом горит над нами яркая лампочка. Мы просим выключить свет, но этого делать нельзя, ведь кругом пьяные, от них можно ожидать всякого, кто знает, что взбредет им в голову. И весь этот выпивающий контингент спит преспокойно, не обращая внимания на яркий свет. Что для них какая-то лампочка! Только мы с Саматом не спим. При таком слепящем свете почти трезвому человеку вряд ли удастся уснуть. И тут мой друг принимает гениальное решение. Он снимает с себя последнее, что на нем было, и кидает на лампочку. До потолка высоко. Но он настырный малый! И вот точное попадание: семейные трусы повисли на лампочке, напоминая собой незатейливый черный абажур. Теперь можно спать. Но не спится. Ворочаюсь на жестком ложе, думы думаю. Одно утешает, что удостоверение спрятал, может, пронесет! Имениннику куда хуже, его оформили по полной программе. Он тоже не спит, что его ждет? Эти именины ему уже в жизни не забыть, это точно! Всякая дрянь лезет в голову в вытрезвителе. Со всех сторон смачно храпят люди с большим опытом в делах питейных. Самат, дрыгнув ногой, засыпает на соседней койке. И мне надо попробовать уснуть. Настраиваю себя на позитив. На новом месте приснись жених невесте, а невеста – жениху! С горем пополам засыпаю.

Наутро, спозаранок, нас собрали из нескольких комнат и перевели в одну. Помню, как занесли ведро с водой и один ковш на всех. И все по очереди стали большими тяжелыми глотками гасить горящее нутро. Ведро воды выпили мгновенно. Принесли еще ведро. Выдули и это.

Как оказалось, услуги этого заведения стоили недешево. За столь скромный сервис – огромные деньги. Помню, что за одну ночь, проведенную в вытрезвителе, я отдал такое же количество рублей, какое отдавал за квартиру бабе Ане в месяц.

Самое печальное в том, что у нас с другом в наличии таких денег не было. А отдавать их нужно было немедленно, в течение дня. Самат остался в «заложниках», а меня отпустили искать деньги. Благо, район оказался знакомым, неподалеку от здания подготовительных курсов, и я быстро сориентировался, куда идти. Пешком, без копейки в кармане, я отправился через весь город на квартиру к бабе Ане. Был воскресный день, и я очень надеялся, что дядя Женя меня выручит.

Как я и предполагал, на квартире меня уже потеряли, и баба Аня не знала, что уже думать. Мое объяснение вызвало ее здоровый смех.

– Вот уж никогда бы не подумала...

– Так я и сам не предполагал, что там окажусь.
– Скажи кому, не поверят. Чтоб Сережка да в вытрезвитель попал!..
– Да если бы один, это еще полбеды. Самат там остался, а меня выпустили за деньгами.

– Атамас тоже там? – бабушка никак не могла запомнить имя моего друга и без злого умысла непреднамеренно коверкала его на свой лад, называя его то «Атамасом», то «Фантомасом».

– Меня и отпустили, чтоб я деньги принес, – повторил я цель своего визита. Денег у бабушки не оказалось: «Может рублишек пять наберется...» – предложила она последнее. «Смертные» деньги, припрятанные старушкой на собственные похороны, в счет не шли. Пенсия у бабушки была минимальная, и мне совестно было разорять старушку. Оставался один человек, способный меня понять и помочь в ту минуту – это дядя Женья. Я выбежал на улицу. По словам бабушки, он должен был находиться где-то рядом, во дворах. Я направился на звук мужских голосов. В соседнем дворе мужики, собравшись вокруг железного столика на детской игровой площадке, играли в домино. Дядя Женья увидел меня издали и пошел навстречу. Я объяснил ему ситуацию.

– Так, говоришь, Самат в «обезьяннике» сидит? – со знанием дела спросил он. – Надо выручать! Восемь рублей у меня есть. Пойду у мужиков спрошу.

Он подошел к столу и попросил дать срочно взаймы до зарплаты. Дядя Боря, его младший брат, «надавил» на какого-то мужичонку, и тот поплелся домой.

– Ты поживей давай, – шевеля усами, подгонял его Борис Степанович, – видишь, люди ждут!

Когда я добрался до вытрезвителя, Самат сидел в небольшой клетке у входа. Всех остальных разобрали. Он сидел в гордом одиночестве. Ему вернули одежду. Устав от своих горьких мыслей о неопределенном будущем, он лбом уперся в решетку, просунув руки между железных прутьев, сцепил их в кольцо. Для полноты образа не хватало только наколок на руках. У него даже не осталось эмоций, чтобы обрадоваться моему приходу или выразить недовольство по поводу моей задержки.

Я отдал деньги, и друга выпустили из клетки. Минут десять мы угрюмо шли по городу. Но пьянящий воздух свободы и непреходящее ощущение молодости быстро восстановили силы. И мы стали смеяться, вспоминая свое «приключение» и незабываемый день рождения. Самат, еще пару минут назад окутанный облаком печали, не мог сдержать смеха и с трудом выговаривал одно слово: «Аба-аба-жур!» Прохожие, обращая на нас внимание, поворачивали в нашу сторону головы, не понимая, что же смешного мы нашли в слове «абажур». Иные просто посмеивались, а иные смотрели с завистью на нашу молодую неуёмную веселость, способную многое перемолоть в муку.

25

Последствия дня рождения оказались весьма плачевными для моего друга. Его сначала хотели выгнать из техникума, но заступничество учителей, хорошая успеваемость и прекрасная характеристика спасли Самата. «Оступившемуся товарищу» разрешили продолжить учебу дальше, но через год. Ему пришлось взять академический отпуск и уехать в родное село, где он и проработал весь этот год. Мало того, кто-то из земляков услышал по радио среди угодивших в

вытрезвитель знакомую фамилию. И это не придало авторитета ее обладателю, моему другу Самату. Трагикомедия!

Что же касается меня, то «гроза» прошла мимо, «молнию» принял на себя мой друг. В следующую «грозу» я приму «разряд молнии» на себя. Но это будет ближе к лету.

Примерно в то же время похожая ситуация произошла и у нас на подготовительных курсах. Наш декан Ахмеров Джурсунгали Джампеисович в чрезвычайных ситуациях собирал нас в один класс и проводил комсомольское собрание. К доске вышел парень, поступающий на инженерно-педагогический факультет. На днях он попал в вытрезвитель. За спиной армия. Старший сын в многодетной семье, не то семь, не то восемь ребятишек кроме него. На это не посмотрели – выгнали без разговора: борьба с пьянством!

В мае мой друг Самат приехал из деревни по делу. Мы торопились и не заметили сигнала светофора, перейдя дорогу на красный свет. И снова нас посадили в УАЗик, составив акт теперь уже на мою фамилию. Самат успел припрятать свое студенческое удостоверение подмышку. В ближайшем банке мы уплатили штраф.

На следующем «чрезвычайном» комсомольском собрании место у доски занял я. Стоя с опущенной головой, я ожидал «возмездия». Ахмеров сам толком не знал, что же я такого натворил. Поначалу он строжил, а я боялся поднять голову, чтобы не показать – с каким усилием я борюсь с собственным смехом, распиравшим меня изнутри. Дело мое не стоило и выеденного яйца. Но я решительно молчал, затягивая развязку собственной экзекуции. Парни, с которыми я сдружился за время учебы на подкурсах, сочувственным шепотом спрашивали меня, сидя за столами: «Вытрезвитель?» Давясь собственным смехом, я только качал головой из стороны в сторону: «Нет!» Между тем экзекуция продолжалась. Джурсунгали Джампеисович медленно зачитывал милицейскую бумагу, на ходу разбирая ошибки и неточности написания, как и следовало настоящему филологу. Он приближал или удалял лист от глаз, настраивая немолодой зрачок на нужное расстояние. И в этой неторопливости чувствовался свой нерв и своя волна, передающаяся всем слушателям, нетерпеливо ожидавшим окончания действия. Напряжение нарастало по мере приближения к концу.

– «...товарищ Комов, слушатель подготовительного отделения педагогического института, в районе площади Ушанова... – в этом месте Джурсунгали Джампеисович не вовремя сбился и «забуксовал» в поисках нужного места. Перешептывая губами уже сказанный текст, выдал очередное страшное слово, – совершил, – в этом месте напряжение слушателей достигло апогея, – переход улицы под красный свет светофора!»

Сказать «раздался взрыв хохота» все равно, что ничего не сказать. Порыв ураганного ветра. Цунами. Одним словом, то, что произошло в следующее мгновение, напоминало собой неуправляемую стихию, и долго сей порыв не мог утихнуть. Вволю насмеявшись, слушатели ждали продолжения. Ахмеров стоял в недоумении – такого пока еще не было на подкурсах. Но говорить что-то надо было.

– Я предлагаю объявить нашему товарищу строгий выговор с занесением в личное дело.

Послышались протесты и свои предложения. Одно из них было таким:

– Надо купить ему «Правила дорожного движения», и пусть их изучает.

Закончилось мое «дело» устным выговором.

А через полгода, когда я уже стал студентом педагогического института, Ахмеров, встретив меня в главном корпусе, обнял по-родственному и привел к декану филологического факультета Щербику Ефиму Ефимовичу, с которым он когда-то учился в одной группе.

— Это — мой сын, — выпалил с порога Ахмеров, — знакомься, Ефим Ефимыч. Передаю тебе его из рук в руки. Хороший парень. Только... переходит улицы под красный свет.

— Ну, это не беда, — ответил мой новый декан и с юмором предложил свое решение: — Парней у нас мало, а девчонок много. Закрепим за ним парочку, и пусть они его сопровождают по городу.

26

— Дай покашляю, пока идет в охотку, с аппетитом, а то порой неохота, невмоготу, — дядя Женя раскатисто кашляет, прихлопывает пятерней по груди, заводскую пыль из легких выбивает.

Он только что пришел с работы. Где-то раздобыл бутылку дешевого вина и оттого счастливо улыбается. Я пропустил его в нашем узком коридорчике, где двум плечистым мужикам сложно разойтись. Пока он переодевался, я поставил разогревать борщ, сваренный бабой Аней. Приступив к ужину, Евгений Степанович оживленно стал рассказывать историю прошедшей ночи. В то время очередь за спиртным нужно было занимать задолго до открытия магазина.

— В этот раз я встал в два часа ночи и пошел к магазину. Полтретью был у магазина. Стою возле угла и думаю: «В этот раз у вас не прокатит». Первый раз появилась дама с собачкой. Я ей говорю: «Извините!» Так всю ночь до утра бегал из дома к магазину, очередь свою поддерживал.

Потом он вдруг встрепенулся, вспомнив, что хотел меня попросить о чем-то, сделал задумчивое лицо, напрягаясь:

— Хотел тебя о чем-то попросить... Во, вспомнил! Как будешь в городе, где увидишь одеколон — бери пузырь. А лучше парочку пузырей одеколona.

— Хорошо. Только на что вам пара штук?

— На худой конец сгодятся для орошения полости рта, ведь не будут меня друзья бесконечно выручать. Видно, этот плешивый вредитель совсем нас по-решить удумал, — дядя Женя шибко слов не выбирал. Горбачев для него не имел ни имени, ни отчества. Ковригин Евгений Степанович окрестил его «Иудкой» и записал в личные враги. Когда дядя Женя скрипел зубами, было понятно, о ком он хотел выразиться, лексикон Евгения Степановича в этом деле был обширен и неисчерпаем.

— Мне на картах гадали, что я не враг народа. А если хорошенько разобраться, то сразу станет понятно, кто у нас враг народа. Например, этот, с проплешиной...

Баба Аня из комнаты пыталась успокоить разбушевавшегося сына.

— Ты бы, Женька, не портил всем настроение. Опять свою пластинку заводишь!

Дядя Женя ее не слышал.

— Все враги народа. Абсолютно все, вся верхушка! Я поймаю его, врага народа, и убью!

В проеме коридора показалась его взлохмаченная мать, волос торчал ковыльным облаком.

– Поймай и оттереби, и на костре подпали его! Что кричать-то...

Дядя Женя, сидевший спиной к проходу, развернулся на табурете всем корпусом к матери.

– Ты зачем подслушиваешь? – смешался Евгений Степанович. – Это же вредительство! У нас тут мужские беседы. Может, я просвещаю человека...

– Ученого учить – только портить.

– Ну, раз вы так, тогда мне здесь делать нечего, – он помыл за собой ложку и тарелку и отправился на улицу.

Когда он скрылся за дверью, баба Аня дала волю своим чувствам:

– Зверь! – этого показалось ей мало, и она добавила: – От, подлюга, навязался на мою голову. Всю душу расстроил, сердце так и хлещет, так и хлещет. Только бы не разумираться к ночи...

Она трясущейся рукой налила себе борща, я сидел рядом и пил чай. Бабушка не могла успокоиться, хотя вроде бы и не было особой причины для волнения.

– Вот те – пролетарии. Отработал и на тебе... Пусть, лишь бы только не пил!

Баба Аня попросила меня налить ей «добавочки»: «А то руки после Женьки трясутся, еще разолью борщико». После повторной порции она заметно успокоилась.

К вечеру мне снова пришлось вызывать «скорую». Доктор разложил свою сумку на столе, достал прибор для измерения давления и сел на стул возле кровати больной.

– На что жалуетесь?

Бабушка словно дожидалась этого вопроса. Она с чувством огласила список своих болезней.

– У меня давление скакает. У меня ужасный склероз. Я уж какие только таблетки не ела. А сколько я их переела! У меня глаукома, я даже не вижу ваш халат. Я уже горчичниками сожглась до невозможности. Ночью – как захватит, так и не отпускает. У меня и катаракта, и глаукома...

– У вас давление высокое, бабушка, – выслушав старушку, спокойно заключил доктор. Медсестра сделала укол, и они ушли.

Когда баба Аня осталась одна в комнате, она легла на кровать, глядя в потолок подслеповатыми глазами. Думала свои старушечьи думки, как четки перебирала в памяти дни молодости, теребила прошлое, выискивая в нем, говоря словами самой бабы Ани, «что-нибудь добренькое», ведь не без доброго прошла целая жизнь. Было и в ее жизни много хорошего. Отдавшись своим воспоминаниям, она не заметила, как я дважды проходил мимо нее в сумеречной комнате. Седое облачко волос обрамляло ее лицо, лицо страдальцы, премного несправедливостей увидавшей за свою жизнь. Временами улыбка робко пробегала по этому лицу и тут же исчезала, испуганная другими, тяжелыми думами.

Скоро совсем потемнело в комнате, бабушка окликнула меня. Убедившись, что я дома, она подалась на кухню – пора была ужинать. Она грузно присела на табурет и печально призналась:

– Вот сейчас лежала и думала. О многом передумала, сколько я в уме годков прокрутила... Вспомнила стихотворение, которое написал мне в школе мальчик: «Даю тебе корзинку, она из тростника, в ней 10 незабудок, а розочка одна». Другей детства вспомнила. Даже тех, кто давно помер. Все, все, все на ум приходят. Вот даже Лаптевы Нюся, Шура... Откуда у меня такая память? – она удивлялась самой себе.

Вскоре позвонили. Я открыл дверь. Вошла тетя Зоя с первого этажа, от которой я постоянно вызывал «скорую». Анна Федоровна пригласила ее попить чаю, но она отказалась.

– Я попроведать пришла вас, тетя Аня. Как самочувствие?

– Да слава Богу, лучше стало. А то прям разбередило всю донельзя.

– С этим Женькой любого расквасит, будь здоров. Щас только приходил, трезвонил. Чуть звонок не отодрал. Сам пьяней вина! Чего хотел, я так и не поняла. В подъезде все кричал, что всех поубивает. Кричит: «Ограбили! Костюм сперли. Там 8 рублей было!»

– Какой костюм! Вон он висит в туалете на гвоздике. Как с работы пришел, снял его там и сам же забыл, – баба Аня сокрушалась, качая головой. – А куда подался? Где он?

– Во двор пошел из подъезда, в ночь, – тетя Зоя собралась уходить, успокоила: – Куда он денется! Ничего с ним не случится. На улице оттепило уже, благодать! Не замерзнет, не первый день на свете пьет.

– Да, это ты верно заметила, Зоя.

Уже в дверях Зоя Николаевна остановилась и осуждающе проговорила:

– Кругом водка по выдаче, просто так не купишь, а весь двор сегодня пьяный. Где они ее находят, эту водку? Женьке до пьянки дело есть, а до матери ему дела нет.

– Да это для них первое дело. Свинья грязь найдет! Наш пройда в этом деле большой специалист.

Женщины попрощались. Баба Аня пошла спать. Она попросила меня открыть дверь, когда придет сын: «Ведь без ключа убежал. Хоть уже и душу всю вывернул, а все одно жалко, какой-никакой, а сын все-таки».

Звездное мерцало в окне небо. Луна, зацепившись за карниз, висела на самом краю соседней пятиэтажки. Я читал Достоевского. Вот уж кого я недооценивал в школьные годы! Скажу больше – не любил! Когда я жил в хорошем селе, в уютном доме, как говорится, «на всем готовом», герои Федора Михайловича были для меня все равно, что люди с другой планеты. Но когда я попал в город и встретился вплотную с людьми, похожими на персонажей Достоевского, то решил перечитать его произведения, а вдруг пойдет? Стоило только сделать шаг в сторону от школьной программы и взять в руки «Униженные и оскорбленные», как тут же я сделал для себя открытие: великий писатель! Так для меня начинался Достоевский. В тот вечер я заново перечитывал «Преступление и наказание». Старушка, топор, Раскольников. В дверь стал скрестись дядя Женя. Чтобы не будить бабушку звонком, мы договорились с ним стучать в дверь определенным стуком. Царапанье в дверь совсем не походило на условленный стук. Значит, сообразил я, у него нет сил даже постучать. За дверью кашляли знакомым кашлем. Я открыл. Дядя Женя едва стоял на ногах, рукой упираясь в стенку. На лице блуждала непослушная улыбка. Даже губы не слушались своего хозяина. Глаза глядели поверх меня. Я с трудом раздел полуночника, которого неведомая сила валила из стороны в сторону, помог ему добраться до дивана.

Во сне он с кем-то продолжал жестко разговаривать и скрипел зубами: «Работать так работать! Пить так пить! Держи! Держи черта лысого... Бей его в проплешины...»

Когда я проснулся, дядя Женя уже успел позавтракать. Был он как новая копейка – чист, побрит, душист. Последствия вчерашнего похмелья на нем не отразились, сказала закладка организма.

– Дядь Женя, вы спите и бредите. Кого-то во сне опять гоняли.

– А! Это мозга работают, как дальше... Ну, и так далее.

– Вы вчера мало-мало «порезвились». Где добыли водку? – поинтересовался я.

Он подставил палец к губам, намекая мне на то, что мать подслушает и узнает, о ком идет речь. И как только Анна Федоровна зашла в ванную комнату, он выдал свой секрет.

– Это – Клондайк! Там еще на пару дней хватит. У Дупльпуста жена уехала. Ты его знаешь, он здоровый, как медведь, еще здоровее Борьки нашего, брата моего. Глаз один с бельмом у него, за это и прозвали его так. Ты в домино играл? Знаешь тогда, что значит это дупль-пусто. Ну вот. Еще неделю назад Дупльпустова жена уехала к матери в Казань. Дупльпусто в тот же день собрал домашнее варенье и заготовки, какие были на зиму, и поставил бражку. Там бутылка такая, мне по поясу будет, – он радостно заулыбался, отметив на своем поясе ребром ладони высоту бутылки. – А вчера вечером, играя с нами в домино, Дупльпусто пошел за хлебом, а пришел через полчаса уже «тяжелым». Чую, что ни водкой, ни вином, ни пивом от него не пахнет, а несет какой-то кислятиной. Мужики спрашивают у него: «Это тебя, Дупльпусто, с хлеба так развезло?» Тот отнекивается: «Да нет, мужики угостили». Наши, известное дело, в дыбки, аж домино из рук посыпалось: «Вообще-то, – говорят ему, – наши все здесь. С каких пор тебя чужие мужики стали угощать?» Ну и слово за слово, вывели этого скупердя Дупльпусто на чистую воду. Тот признался, что поставил бражку, но она еще до конца не созрела, это он только пробу снял. Ну а мы ему говорим, что это нас устроит, ведь хуже будет, если брага перестоит и в уксус уйдет. Бросили свое домино и всем шалманом к нему отправились. Маленько наследили там у него. Ну, ничего, до приезда жены успеет убраться.

Я уже проголодался и в браге ничего не понимал, давая понять, что пора бы подкрепиться. Но рассказ был еще не окончен и продолжался на кухне.

– У Дупльпуста есть в квартире чуланчик. А в нем – бутылка стоит. А на ней вместо пробки – резиновая перчатка одета, ее аж всю раздуло. Ударил по ней, она закачалась, будто кому-то машет. Он говорит: «Это – привет Горбачеву! Ему рукой машет». Оказывается, давно прозвали перчатку над брагой «Привет Горбачеву», а я вот только узнал. К вечеру мы все были чуть тепленькие, особенно хозяин. Я этого Дупльпуста в воде отмокал, пьяного, сто двадцать килограмм, лошадь такой.

В этом месте он почти закончил, но, вспомнив нечто важное, быстро пошел в прихожку и вернулся.

– Да я про обувь вспомнил, думал, что у Дупльпуста забыл. Нет, не забыл, – тут он задумался. – А когда я надел ее? Странно! Ведь я был, как бревно, – у него был озадаченный вид. Он вдруг вспомнил: – А я же и не снимал обувь. Мы же там наследили. А то бы вчера все без обуви разбрелись.

Я позавтракал, пока слушал этот веселый приключенческий рассказ. Было и у меня кое-что интересное для дяди Жени.

– Вчера звонил в деревню. Вам привет от Тамары Николаевны и от Александры Прокопьевны.

– Как там они?

– Они нормально. Сережка служит в армии, как и вы, в авиации. А Сашка бросил свои самолеты. Где-то в Таджикистане летал последнее время. И вместе с женой приехал опять в село. Уже устроился военруком в школе. Скоро придет поступать в пединститут.

– Это правильно. Поступать нужно. Педагог – дело обстоятельное, даже нужное. Опять же профессия уважаемая, хотя с этими балбесами непросто сейчас. Умному человеку всегда дорога. Схочешь быть учителем – будь, не схочешь – на другую работу пойдешь. Так я рассуждаю на эту тему. – Евгений Степанович говорил речь с душевным подъемом. – Пусть Санька у нас живет, матрас ему найдем. Бабка, я думаю, будет не против. Мне для Томки и ее детей ничего не жалко, чем смогу помочь.

После обеда, как я понял, дядя Женя собирался снова отправиться к Дупльпусто. Матери он сказал, что пошел играть в домино. Когда дверь за ним захлопнулась, баба Аня высказала по этому поводу свое мнение:

– Весна на улице, тепленько. Теперь Женька вовсе зад изотрет на этой лавочке со своим домино, – вздохнула она, печально сокрушаясь: – Лишь бы только не скандалил.

Анна Федоровна включила телевизор. Она добавляла громкость на свой, подсевший за долгие годы слух, и потому даже в кухне я прекрасно слышал новости.

И то, что мне пришлось услышать из кухни, она специально пересказывала еще раз, но по-своему:

– Вот какая-то речка взорвалась в Алма-Ате. Так высотой ли шесть метров шла, или шириной, чтоб не соврать, так все сносило. А какая там речка-то? Куда впадает? То ли в Азовское море, то ли в море Иссык-Куль? Так даже про жертвы не сказали...

Информация, переработанная бабушкой, получала совершенно иные очертания. От первоисточника она разительно отличалась.

Дядя Женя пришел раньше вчерашнего. Утром ему надо было на работу, а работа у него в жизни стояла на первом месте. Он был в меру пьян и еще крепко стоял на ногах. Он не чувствовал, что на губах у него висела какая-то крошка.

– Что за ерунда у вас на губах? Закусывали что ли чем-то? – спросил я у него.

– Красное такое, да?

– Да.

– Яблоком закусывали.

Евгений Степанович обтер губы ладонью руки, зашел в ванную, где расчесался и привел себя в надлежащий вид, и снова вернулся в прихожую. Покопавшись в кармане куртки, он вынул большое красное яблоко и угостил им меня. Видно было, что человек проголодался, ведь Дупльпусто, от которого он пришел, по признанию дяди Жени, уже вторую неделю сидел на «подножном корму», питаясь всухомятку без надлежащего надзора жены. Подзаправившись супом, дядя Женя стал зачем-то требовать с меня компас, и я не сразу понял, что он имел в виду под этим словом.

– Ну дай мне компас. Вот я тебе скажу, где мы находимся. Мы-то Казахстан на слове, а он, какой большой, самый большой... А на деле-то мы – Сибирь, вот она параллель-то, и мы – Сибирь.

– Так это вы, дядя Женья, наверное, глобус просите у меня, а не компас?

– Да, – он обрадовался подсказке и продолжал показывать мне свои познания в области географии, проводя желтым пальцем вдоль стола, словно по карте. – Сколько мы с тобой живем?

– Давно уж, – попытался я поддержать разговор.

– А только ни хрена, – дальше он не досказал, расплылся в улыбке и снова вернулся к прежнему разговору. – Казахстан-то Казахстан, а вот Украина-то...

– Ну, уж разошелся! Ты бы не мешал парнишке готовиться. Шел бы спать, ведь завтра самому на работу шлепать спозаранок! – слышался усталый голос бабы Ани из комнаты.

– Пора спать, а то бабка седня что-то разволновалась, – и дядя Женья послушно отправился спать.

28

Стоял прозрачный солнечный день. Я возвращался с учебы. Заняв обе лавочки по краям дорожки к подъезду, сидели местные бабушки. После долгой зимы они по несколько раз на дню собирались на этом месте. Поднимались в квартиры в основном, чтобы подкрепиться и посмотреть очередную серию бесконечного сериала. Собравшись снова, они обсуждали последние новости, переживали за Изауру или какого-нибудь далекого Луиса Альберту, хотя у некоторых дома были проблемы покраще, чем в фильмах. Так уж устроена душа наша – переживать за весь белый свет. Кому-кому, а нашим старушкам до всего есть дело. Массивная, добродушная тетя Зоя, которая только вступала в старушечий возраст и была младше всех бабушек в подъезде, открывала окно своего первого этажа и прямо из своей кухоньки подключалась к разговорам. Подходя к подъезду, я слышал, как баба Аня рассказывает знакомый анекдот:

– Соседка у соседки спрашивает: «Чем у тебя сын работает?» Она отвечает: «Наверно, слесарем. Днем ножик точит, ночью идет на работу».

Бабушки дружно смеялись, хотя этот анекдот был рассказан на этой лавочке не в первый раз. Я поздоровался. Старушки ко мне очень тепло относились. Наверное, потому что меня нахваливала моя хозяйка, которой они сочувствовали и которую жалели, и, возможно, за то, что мое присутствие в доме Ковригиных сдерживало агрессию сына по отношению к своей матери. Баба Аня из глубины своего кармана вытащила ключ на длинной тряпочной веревочке и, спохватившись, оповестила меня о самом главном:

– Тут твой друг приходил, Галкин Саша. Я его домой звала чаишко попить, а он сказал, что в институт сходит и скоро придет. Да, я тебе там очистила картошки, подремонтируешь ее да пожарь. Маслице на столике возле газплиты. Да ты и сам без меня все знаешь.

Я обрадовался такому событию. Друг детства приехал! И, прыгая огромными прыжками по ступенькам, заскочил на площадку второго этажа и оказался у знакомой двери.

Картошку, действительно, нужно было «подремонтировать». Баба Аня подслеповатыми глазами не замечала «глазки» и местами оставляла кожицу

нечищенной. Эта «ювелирная» работа всегда отводилась мне. Нужно было торопиться до прихода друга приготовить этот неприветливый обед. Картошка уже была готова, когда в дверь позвонили. Это был Сашка. Огромный двухметровый детина, обнять которого мне не хватало рук, мял меня в своих железных объятиях. Мы не виделись с ним несколько лет. Он был такой же спокойный и веселый, как раньше. Мы пили чай и торопились наговориться, узнать друг о друге подробней, обо всем, что произошло за эти годы. Мы вышли на балкон. Синь неба распорол военный самолет, оставив белый шрам.словно трактор с плугом прошелся. В дверь постучали знакомым стуком – это с работы пришел дядя Женя.

– Ну, айда знакомиться, где тут Галкин? – он был уже осведомлен старушками о госте.

С балкона навстречу хозяину вышел мой друг и протянул большущую ручищу, в которой утонула жесткая пятерня Евгения Степановича.

– Александр.

– Дядя Женя! Тот самый, которого твоя бабушка называла «бандитом» и «хулиганом». А с Томкой, – он поправил себя, глядя снизу вверх на человека-глыбу, – с Тамарой Николаевной мы росли вместе. Когда мы были шпингалетами, я ей снег за пазуху бросал...

– Наслышан о вас, – поддержал разговор Саша, – родня про вас все уши прожужжала. Привет вам шлют.

Дядя Женя перекинулся на меня, спросив, кормил ли я гостя. Успокоившись, он позвал Александра на балкон покурить.

Ткнув пальцем в небо, в полосу, оставленную самолетом, пошутил:

– Не на этом самолете прилетел, авиатор?

– Да нет, я на «кукурузнике» летал, на «Ан-2», – Сашка разулыбался. Дядя Женя ему решительно нравился своей непосредственностью и веселым задором.

Евгений Степанович оценивающе осмотрел земляка и шутливо спросил:

– Это как же ты в нем помещался, любезный?

– Выбирать не приходилось. Какой самолет дали, на том и летал.

– Ну, давай располагайся. Не хоромы, конечно, но место тебе найдем. Можешь на мой диван ложиться, а я на пол. Сам смотри, где тебе удобней. Пойду к Борьке за матрасом.

Саша отказался, говоря, что он неплохо устроился у знакомых, на другом краю города, по улице Бурова. И рассказал о цели своего визита в город: он тоже собрался поступать в педагогический институт на заочное отделение. Дядя Женя похвалил его стремление и совместно решили, что Александр при всяком удобном случае будет заходить к нам в гости и чаевать, а также ночевать.

– Без всякого стеснения! Матрас я сегодня же от Борьки припру. Мало будет, вон у Сережки их несколько штук на кровати. А если и этого мало будет, то бабку раскулачим. Оставим ей одну перину, а матрас заберем на нужды студентов.

Не откладывая, дядя Женя сходил к брату и принес матрац. Простой, открытый, с душой нараспашку, он рад был, что может быть полезен семье своих старых знакомых. И это воодушевляло его.

Стоя на балконе, он расхваливал район, в котором проживал:

– Магазин – рядом, продукты, вот он под боком – «Жастар». Институт рядом. Все рядом. Народ... Ну, что народ? Всякого добра хватает, как и везде, – взгляд

его остановился на соседнем доме. Там женщина на втором этаже вывешивала белье, а на четвертом мужчина сторожил, когда она уйдет, чтобы встряхнуть половики. Дядя Женя показал нам кивком головы в его сторону: – Народ у нас – сплошная интеллигенция! Да, все ведь с высшим образованием: один на балконе вывешивает выстиранное белье, а сверху, с другого этажа такой же интеллигент вытряхивает половики...

29

Моя учеба на подготовительных курсах подходила к концу. Приближались вступительные экзамены. Слушатели курсов уже успели сдружиться, хорошо и тепло общались между собой. Особое отношение в группе было к тем ребятам, что прошли Афганистан. Хорошо помню Фархада, что учился в одной группе со мной. Он имел осколочные ранения в ноги. Был спокойным и никогда не повышал голоса. Из группы инженерно-педагогического факультета запомнился Джанибек, который, наоборот, производил много шума, рассказывал анекдоты, задорно смеялся, и все это он делал громко. У него была контузия и ранение. Когда они шли на экзамены, на их костюмах красовались боевые и юбилейные медали. Было приятно, что у меня есть такие друзья и что в моем поколении тоже есть свои герои.

Весной с Фархадом произошел один случай. Он отправился в гости на окраину Усть-Каменогорска, в поселок Красина, который в народе окрестили «Отрыва-ловкой». Вечером его остановила подвыпившая шпана. Обшарив карманы, они обнаружили книжку участника войны в Афганистане. Извиниться им не позволял уличный этикет, но они вернули Фархаду содержимое карманов и отпустили с миром.

Мой друг, Александр Галкин, перед своим последним экзаменом пришел к нам с ночевкой. Чтобы не подниматься рано и не тащиться с другого конца города, он решил с утра выспаться и со свежей головой идти на экзамен, решающий его судьбу. У меня тоже был последний экзамен, но я сдавал его гораздо дальше от дома, в корпусе подготовительного отделения. История, которая мне легко давалась еще в школе, должна была определить мою участь. Баба Аня и дядя Женя старались нам не мешать, отвлекая нас только на обед и ужин.

После обеда Сашка, лежа на моей кровати и свесив с нее ноги, так как в полный рост он на ней не помещался, предложил мечтательную идею:

– Вот бы положить учебник под подушку и уснуть, а потом проснуться и запомнить во сне все, что в нем есть.

Вскоре он, действительно, засопел, свернувшись калачиком на моей кровати. Книга лежала под подушкой незадачливого абитуриента. Уже смеркалось, когда нас позвали ужинать. Почти до утра я учил историю, а мой друг, повторив билеты, уже в одиннадцать вечера лег спать. Поспав несколько часов на полу на матрасе, я поднялся спозаранок и успел кое-что повторить, пока не пробудился мой друг. На экзамене я путался и не мог хорошо сосредоточиться – сказался короткий сон и переутомление. Получив «тройку», которой все равно хватило для поступления после предыдущих «пятерок» и «четверок», я без настроения пришел домой. Сашка же получил твердую «четверку» и тоже поступил.

Наконец-то долгожданное счастье заглянуло в гости и к Ковригиным. С далекой Украины прислал весточку Юрка, сын дяди Жени. Писал, что скоро придет в гости и, возможно, останется жить в Усть-Каменогорске. Надышаться не мог на доброе письмо отец. Вот уж не ждал он, что именно с этой стороны к нему повернется удача, был больше, чем уверен, что бывшая жена всячески воспрепятствует желанию сына. А оно вон как здорово вышло! Сын сам приняв свое мужское решение – слишком долго он жил без отца. Горячая ковригинская кровь пересилила и потянула к родному человеку, которого не доставало ему в детстве. Тут же, второпях, отписал дядя Женя ответ сыну: «...вместе с бабкой ждем тебя с нетерпением». И поползло черепашным шагом время ожидания долгожданного гостя из Чернигова. Евгений Степанович стал готовиться к встрече – выгладил свои костюмы, брюки и рубашки, подбил свое небольшое «копеечное» состояние, которого не хватало даже на достойную встречу сына. Но время еще было. Решил он с этой поры всяческие затраты прекратить, особенно это касалось спиртного – опустошавшего и без того скудный бюджет. Перед выходными он тщательно протирал пыль, помогая нам убирать квартиру, выколачивал половики во дворе. Бабушке тоже передалось настроение сына, она также готовилась к встрече внука. Я начисто вымывал полы, забираясь в самые неприступные уголки, куда баба Аня не могла проникнуть – под кровати, за тумбу телевизора, под шкаф. Дребезжащий холодильник давно нужно было установить ровнее, вот и его поправили.

Баба Аня прижалась к холодильнику лицом, слушая его равномерную работу, удовлетворенно заключила:

– Как котенок урчит. Он еще больше нас проживет – у него нормальное сердцебиение.

Дядя Женя принес половики с улицы, стал чистить посуду с содой, которую принес с работы. Особенно нуждалась в обработке его личная кружка, почерневшая от густого чая, к которому имела у Евгения Степановича давняя лагерная привычка. Взгромоздившись на стул, он полез «наводить марафет» в хозяйственном ящике, что шел вдоль коридора под потолком. Покопавшись там, оповестил меня:

– Здесь для хозяйства есть все нужное, – что показалось мне странным, ведь он ничего никогда не вытаскивал и ничего раньше не ремонтировал самостоятельно, а приглашал друзей-собутельников, с которыми общался во дворе. Нашел в закутке и газовый ключ, и другие инструменты, похвалился: – У меня здесь ключи все есть, от нуля начиная... – и чуть было не рухнул со стула.

Откуда только взялось у дяди Жени рвение к порядку в доме, которому он до этого немного уделял внимания. Раньше он ограничивался только собственным диваном и шифоньером, где на деревянных плечиках размещались его отглаженные костюмы, а теперь он копошился на кухне и даже подметал балкон. И все это началось с коротенького письма от сына, с неожиданной благой вести.

Вечером, после затянувшейся уборки, дядя Женя сидел в кухне на табурете, закинув ногу на ногу, и без излишней скромности рассказывал о себе:

– Я сызмала был фартовым. Запомни: дяде Жене в жизни везло вот так вот, – он, оттопырив большой палец на сжатом кулаке, провел выше головы. – И вот так, – проделал он тот же жест, только на вытянутой руке над головой, – мне

везло в бабах смолоду. Их было у меня мультон! Везло дяде Жене и в армии, и на работе. Кругом фарт был.

Евгений Степанович, враз позабыв все свои неудачи, выбирал позу, «примерял» на себе, как новый костюм, образ удачливого человека, каким он хотел показаться перед сыном, которого с нетерпением ждал.

Но мне теперь необходимо было искать другую квартиру, ведь Юрка ехал к собственному отцу и родной бабушке, и поэтому я должен был оставить свое место для него. Несмотря на прекрасные отношения с бабой Аней и дядей Женей, я не был им родственником: ни сыном, ни внуком – всего-навсего квартирант, живущий за небольшую плату в их квартире. Я об этом не забывал. А Юрку мне хотелось все же увидеть и познакомиться с ним. Уловив мое настроение по поводу будущего переезда, дядя Женя поспешил меня успокоить, что меня никто никуда не отпустит, пока я сам не найду достойное жилье.

– Живи здесь вместе с Юркой. Познакомлю вас. Его планы пока мне не известны. А потом, может, друзьями станете, – мечтал дядя Женя, – я вас на работу свожу. Должок там у меня есть... В отделе у нас сидит дама одна, вся такая расфуфыренная, точит меня перед главным...

– Может она вас тайно любит, – предположил я.

– Не отрицаю, – ни на секунду не усомнившись в моем предположении, высказал Евгений Степанович, – дело в другом. Склоняет меня она всячески, мол, ни семьи, ни котенка завести нет у меня способности, понимаешь? Была бы еще дама... Там клизьма такая, я извиняюсь! Но дело принципа. Вот сын приедет, и зайвимся с ним в отдел, ее сразу хватанет инфаркт, эту гундосую...

Печаль теперь покинула эту маленькую квартирку. Однажды вечером дядя Женя растроганно мне признался: «Скоро меня забудешь и бросишь. А ты запомни: что Юрка, что ты. Я благодарен твоей матери, она – золотой человек! Ну, как золотой? Честный! А отец твой – инструментальный человек». Слово «инструментальный» следовало понимать как обращающийся с различными инструментами, человек технический.

Недели через три от Юрки пришла телеграмма: вылетаю такого-то числа, встречайте. Дядя Женя приосанился, подстригся, зачесал чуб – остатки русого волоса, густо перемешанные с серебром седины, на лице – улыбка. Таким он и предстал перед сыном в день прилета. В тот день радость поселилась в семье Ковригиных. Собралась на встречу с Юркой вся ковригинская родня – дядя Боря со своей дочкой Ольгой пришли увидеться с родственником. Много гостинцев привез с собой Юрка, не обделил никого, как говорится, всем сестрам по серьгам. На столе возник дорогой коньяк, которого дядя Женя отродясь не покупал. Даже баба Аня на радостях, редких в этом доме, пригубила коньячку да с непривычки почувствовала себя нездоровой: «Головушка кругом пошла. Совсем я сядня расклеилась». И ушла в комнату, прилегла на кровать, слушая веселые голоса родни и радуясь этому. Гуляние, не виданное со дня заселения дома, разыгралось во втором подъезде, в квартире номер двадцать пять. Юрка Ковригин был заводной, веселый, неугомонный. После коньяка выпили еще коньяка, а после водки выпили еще водки. Ольга ушла рано, оставив мужчин одних. Юрка был красив собой – большеглазый, чернобровый, с густыми, черными, как смоль, волосами. Приятные черты лица. Открытая улыбка. Да еще украинский акцент – все эти «трошки» и «кажешь» смотрелись на нашем фоне немного экзотично, привлекали

к себе внимание и вызывали симпатию. Лицом Юра не походил на отца, но взял от его характера немало. Был он настойчив, знал, чего хотел получить от жизни, поставленной цели достигал кратчайшим путем. Он страшно любил женщин и с легкостью добивался от них «руки и сердца», которые на завтра ему уже были не нужны. И он шел дальше, к очередной «жертве» своего обаяния. С наигранной легкостью он покорял женские сердца. Этим он напоминал дяде Жене самого себя в молодости. Яблоко от яблони недалеко падает. Что же касается самого Евгения Степановича, скажу, что в тот вечер он был счастлив. Примерив подаренную сыном фирменную футболку с современной молодежной надписью «Металл», дядя Женя не снимал ее несколько дней. Он надевал ее на работу, где на вопросы сослуживцев гордо отвечал, что это подарок сына. Во дворе расспрашивали старушки и друзья. Им тоже отвечал, гордо ссылаясь на сына. Даже спал в ней. Через несколько дней после приезда Юрки я забежал к ним на квартиру, чтобы отвезти вещи к дальним родственникам, где собирался жить дальше, и заночевал у Ковригиных. Отец и сын допивали остатки спиртного, которое заготовил дядя Женя для встречи гостей.

Разомлев от выпитого и придав себе важности, старший Ковригин рассказывал о своей работе:

– Ковригина кто не знает? Спроси любого! У нас, на арматурном, мне дают самые ответственные дела. Поездки даже на другой край света. Кто лучший экспедитор? Ну? – он вопросительно смотрел на сына. – Как ты-то думаешь?

Тот без раздумья отвечал, что, конечно же, он, его отец.

Евгений Степанович продолжал.

– Что? Подшипники?! Куда? Барнаул! Когда? Опаздываю! Будьте любезны... Подписывает. А приезжаю – еще и полтинник дает. На «будьте любезны» разговаривают со мной! Ты не знаешь, как люди меня на работе уважают. Уважают до потери, до потери пульса, и все...

Юрка не перебивал отца, давал ему возможность выговориться. Улыбался белозубой улыбкой, слушал, подливал водку в стопки и сам при этом практически не пьянел.

– Я документы всегда подписываю жестко, – продолжал начатую тему отец. Он пальцем стал водить по столу, сопровождая свою речь таким несложным действием. – Пишу заявление. Директору завода... товарищу Сластилову от грузчика-экспедитора Ковригина Е.С.

– А почему директору без имени-отчества, а вам с именем-отчеством? – возник у меня вопрос по ходу написания «заявления» пальцем на столе.

– Сильно величать нельзя их. Нежно сильно, – таков был ответ, отдающий позой и хвастовством.

В исполнении Ковригина Е.С. заявление продолжалось следующим образом: «Прошу выдать кровельное железо в количестве 1000 килограмм для покрытия крыши дома».

– Батя, а на кой ляд тебе железо, если ты живешь в квартире, да еще на втором этаже? – возник у Юрки вопрос.

– Лишним не будет. Можно налево сплавить, – парировал отец и продолжал свои размышления дальше. – Где мой дом находится – его не волнует. У нас ОМОНовцы на воротах стоят. А мне до фени все эти ОМОНовцы. Если я захочу что-нибудь вывезти, то я вывезу хоть что!

Возможно, дяде Жене действительно удавалось чем-то разжиться, как он рассказывал, только проку от этого не было. Пропивалось куда больше добытого. Как говорится, как пришло, так и ушло. Сын уже догадывался о пристрастии отца к выпивке, многое ему стало понятным из разговоров с ним.

В ту ночь, наговорившись сполна, мы легли спать под утро. Юрка спал на бывшей моей кровати. Я лег на пол, благо, запасной матрац всегда имелся. Проснулся на рассвете, разбуженный знакомым бормотанием. Дядя Женья, раскрывшись, лежал в любимой сыновней черной футболке с надписью «Металл» и во сне с кем-то громко беседовал, настаивая на своем: «Пить так пить! Работать так работать! Враг народа...»

31

Моя новая квартира, которую я снимал за ту же плату, что и у бабы Ани, находилась на одной из окраин города в поселке Октябрьском, на улице Беспалова. Этот поселок находился в черте города, причем недалеко от центра. До центрального корпуса института, в котором мне предстояло учиться, было двадцать минут быстрой ходьбы. К тому же рядом протекал Иртыш, куда я часто ходил по тополиной аллее и сидел на бережку, глядя на быстрые ледяные воды реки. Когда на город обрушивал выбросы СЦК – свинцово-цинковый комбинат, в этом заросшем сплошь деревьями закутке не так остро ощущался запах газа, как в центре города. Еще большим плюсом было то, что моей новой квартирой был просторный дом из четырех комнат, где жила одинокая вдова-старушка, моя дальняя родственница. Я занимал отдаленную, очень светлую комнатку с дверями и ночником, где в уединении мог спокойно читать книги ночи напролет. Возле дома был большой двор с собакой, сарай с поросятами и огород.

Учеба в институте начиналась во вторую смену, после обеда. Это время я вспоминаю с удовольствием. В начале первого курса на нашем факультете было всего трое парней, остальные – девчонки. Вскоре стали приходить из армии «дембеля», которые уходили на службу с филологического факультета, и парней стало шесть человек. Цветник! Декан – Ефим Ефимович Щербик всячески заступался за парней и во всем шел нам навстречу.

Здесь, в институте, я понял, что наконец-то нашел дело по душе. Учился я с удовольствием, предпочтение отдавал литературе. С большинством преподавателей у меня сложились прекрасные отношения. На лекциях по устному народному творчеству Инна Сергеевна Соколовская, заметившая меня еще на подготовительных курсах и еще тогда пригласившая участвовать в фестивале «Студенческая весна» в инсценировке сказки, частенько вгоняла меня в краску. Находясь в большой лестничной аудитории, когда нужно было привести пример, она переключала внимание девчонок всех трех групп на меня, человека, недавно пришедшего из армии и не привыкшего к женскому обществу. К примеру, требовалось закрепить на примере тему «заговоры». Мудрая Инна Сергеевна негромким голосом, который слышала вся аудитория, закрепляла «заговор» на мне:

– Нравится мне Сережа, а он на меня не обращает внимания. Я его могу приворожить «на след», который он оставил на снегу или на земле. На листья папоротника. Или, скажем, можно заговорить «на дым», как только загорятся дрова: «Дым Дымович, Ветер Ветрович, не падай ни на воду, ни на землю. Пади

на раба божьего Сергея, на ретивое сердце. Как дым в печи извивается, так раб божий Сергей вейся, увивайся. Слова мои будут крепки и лепки. Крепче камня, крепче булата. Аминь». Читаю три раза. При соблюдении определенных правил можно надеяться на взаимность.

По зарубежной литературе, которую вел Ю. А. Пикунов, мне запомнилась инсценировка «Ромео и Джульетты», едва не обернувшаяся преподавателю сердечным приступом. Такого «прочтения» Шекспира он не ожидал. Всему виной – смена аудитории. Обычно лекции проходили на третьем этаже в лестничной аудитории. Но так как она в этот раз была занята, нам пришлось спуститься на первый этаж в аудиторию такого же плана. Я – в роли Ромео, роль Джульетты исполняет Света Миль, моя одноклассница, аккуратная симпатичная девочка. Часть текста, которую я не успел выучить, записана шпательным почерком на моей левой руке. Сценка нами выбрана так, что я, пристав на колено и положив правую руку на грудь в область сердца, нахожусь к преподавателю спиной и смело могу пользоваться записью на левой ладони. Эмоциональная игра завораживает влюбленного в Шекспира преподавателя, окончательно забывшего, где мы все находимся. В самый разгар сцены я подхватываю Свету-Джульетту на руки и несу ее к окну – так было нами задумано. Возле окна мы прощаемся, и я через мгновение оказываюсь на подоконнике, машу рукой, открываю створку окна и выпрыгиваю из зала. В момент прыжка я слышу за спиной испуганный крик Пикунова и успеваю на лету заметить искаженное смехом лицо Светы-Джульетты, проводившей меня в окно. Через минуту, обежав здание, я появился в аудитории. Преподаватель еще приходил в себя от пережитого шока. Он явно не ожидал вновь увидеть живого Ромео, так опрометчиво сиганувшего в окно. К всеобщему счастью, это был всего лишь первый этаж.

Но наиболее теплые отношения у меня сложились с Проходовой Валерией Павловной, преподававшей нам древнерусскую литературу и литературу начала двадцатого века. Замечательная интеллигентная женщина негромко читала нам лекции, которые проникали в душу. Она организовала кружок поэзии «Зеленая лампа», в который ходили раз в неделю после учебы любители поэзии: студенты и несколько преподавателей. С самой нашей «зеленой лампой» произошла небольшая история, вернее сказать, казус, за который я приношу преподавателю запоздалые извинения. Дело в том, что Валерия Павловна где-то раздобыла (скорее всего, принесла из дома) старенькую добротную лампу с абажуром, которая должна была символизировать собой нашу причастность к классическим пушкинским традициям и оправдывать название поэтического кружка. Не однажды эта лампа стояла на нашем столе, собирая нас вокруг себя. Множество авторских виршей кружковцев было прочитано возле этой лампы. Пока, в конце концов, Валерия Павловна не отдала ее мне в руки для починки абажура, который должен был стать непременно зеленым. Это было время скитаний по квартирам, когда я оставался ночевать там, где застал меня закат солнца. Эта лампа так и осталась в одном из моих очередных «приютов». Вскоре начались экзамены в институте, а потом – и неслыханные катаклизмы, связанные с развалом страны, расстрелом Белого Дома. Был повальный дефицит всего: продуктов, вещей и прочее, и прочее. Наш кружок перестал существовать, а любимая мной Валерия Павловна благополучно простила мне мою забывчивость. Лишь к концу учебы, когда я случайно наткнулся у своей сокурсницы в закутке на лампу со сломан-

ным абажуром, меня вдруг осенило воспоминание о моем долге, который так и остался на моей совести.

Во время учебы на первом курсе я посещал студию поэзии «Устье», которую вел набирающий известность поэт Евгений Васильевич Курдаков. Кроме того, я продолжал заниматься гиревым спортом и записался на секцию каратэ «Кио-кушинкай» к известному в городе тренеру Медведеву. Если учесть, что все эти объекты располагались в разных частях города, остается только позавидовать своей молодости с ее неисчерпаемой энергией.

Не забывал я заглядывать и на квартиру к Ковригиным, до которых было несколько минут ходьбы от института. Баба Аня всегда радовалась моему появлению и усаживала меня «хлебнуть супишко или хотя бы чаишко» и по-прежнему жаловалась на свое здоровье. Дядя Женья днями пропадал на работе и потому его я заставал лишь изредка. А с Юркой у нас завязались приятельские отношения. Я всегда удивлялся его способности обретать знакомства. С легкостью он сходил с самыми разными людьми, подбирая их без особого разбора. Когда я отметил, что у него всегда идеальная прическа, он сразу же повел меня в парикмахерскую к своей знакомой парикмахерше. Той же осенью Юра организовал вечеринку, куда пригласил и меня. На вечеринке было много разного народа, далекого от интеллигенции. Я провожал домой симпатичную, но весьма ограниченную девушку, которую все называли Марихуана, хотя настоящее имя ее было Марина. Она жила на «Квартале». Там, возле ее подъезда, где мы стояли, вдруг из дверей выскочил пьяный парень и стал махать вокруг себя ножом, отбиваясь от невидимого врага. Маринка прижалась ко мне сзади, а я следил за опасными движениями неадекватного человека, который прошел неподалеку, не заметив нас. С Марихуаной мы больше не встречались – слишком разными мы были людьми.

Продолжение следует.

